

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ **ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

ISSN 2949-4419

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 4 (12)

Журнал выпускается с 2023 г.

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.).

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

2025

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025
ВЫПУСК 4 (12)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Г. В. Файзиева*

Ответственный секретарь

кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Дымова*

Редакционная коллегия

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – главный редактор;

Галичкина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Шеховцева Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Дымова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и безопасности жизнедеятельности, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – ответственный секретарь;

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия;

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия;

Багринцева Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия;

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Емельянова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Есенова Тамара Саранговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет МИТСО», г. Минск, Республика Белоруссия;

Илова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия;

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии, Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан;

Сарангаева Жанна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Юшкова Людмила Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия.

Журнал выходит 4 раза в год.

© Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

С. И. Агаюлова, Э. В. Мошникова

Роль метафоры в создании художественного мира автора (на примере «игры престолов» Дж. Р. Р. Мартина) 6

Е. Н. Галичкина

Функции и структурные типы заголовков видеоблогов в сетевой коммуникации 19

М. Ю. Ивонина

Таксисный потенциал субстантивированного инфинитива в итальянском языке 33

Т. А. Куделько

Ономасиологический анализ терминологии человеко-компьютерной диалогии: структура терминопольа *компьютерный помощник* 53

Е. В. Малахова, С. В. Шустова

Дефиниционный анализ глагола *тревожить* 66

Д. О. Маршалкин, У. А. Савельева, Е. А. Яковлева

Роль лингвокультурной личности реципиента в оценке устного перевода (на примере персидского языка) 84

М. И. Свешникова, Е. И. Сернова

Поэтический текст в культурном пространстве: проблема эквивалентного перевода 97

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Э. Парвизи Могоддам

Проблемы переводного эквивалента и межъязыковой синонимии терминов финансово-коммерческой сферы в русско-персидских соответствиях 113

ЛИНГВОДИДАКТИКА

(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

А. С. Лазарева

Цифровая трансформация обучения иностранным языкам: вектор к формированию плюрилингвальной компетенции 136

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81.33

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ «ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ» ДЖ. Р. Р. МАРТИНА)

Агагюлова Светлана Исламовна^{1✉}, Мошникова Эльвира Валитовна²

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹Azazel4@mail.ru

²elyalyona@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль метафоры как ключевого инструмента в создании художественного мира на материале романа Дж. Р. Р. Мартина «Игра престолов». Анализ проводится на основе синтеза классификаций метафор, предложенных Г. Н. Складневской, И. В. Арнольд и Н. Д. Арутюновой. В работе доказывается, что метафора у Мартина выполняет не только традиционную образно-обогащающую функцию, но и является системообразующим элементом, формирующим философско-концептуальную основу произведения. Рассматриваются сюжетные, образные, номинативные и когнитивные метафоры, которые в целом создают сложную и многомерную модель мира, отражающую проблемы власти, морали, конфликта и человеческой природы.

Ключевые слова: метафора, художественная метафора, художественный мир, образ власти, символ

Для цитирования: Агагюлова С. И., Мошникова Э. В. Роль метафоры в создании художественного мира автора (на примере «игры престолов» Дж. Р. Р. Мартина) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 6–18.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81.33

THE ROLE OF METAPHOR IN CREATING THE ARTISTIC WORLD OF THE AUTHOR (J. R. R. MARTIN'S «GAME OF THRONES» AS AN EXAMPLE)

Svetlana I. Agagyulova^{1✉}, Elvira V. Moshnikova²

Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹Azazel4@mail.ru

²elyalyona@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the role of metaphor as a key tool in creating the artistic world of G.R.R. Martin's novel A Game of Thrones. The analysis is based on a synthesis of metaphor classifications proposed by G. N. Sklyarevskaya, I. V. Arnold, and N. D. Arutyunova. The paper highlights that metaphor in G. R. R. Martin's novel not only fulfills a traditional figurative-enriching function but also serves as a system-forming element, shaping the philosophical and conceptual foundation of the work. Plot, figurative, nominative, and cognitive metaphors are considered, which together create a complex and multidimensional model of the world reflecting issues of power, morality, conflict, and human nature.

Keywords: metaphor, artistic metaphor, artistic world, image of power, symbol

For citation: Agagyulova S. I., Moshnikova E. V. The role of metaphor in creating the artistic world of the author (J. R. R. Martin's «Game of thrones» as an example) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 6–18. (In Russ.).

Введение

Анализ метафор в художественной литературе представляет собой одну из наиболее актуальных областей современного литературоведения и лингвистики, поскольку метафоры не только обогащают текст, но и служат ключом к пониманию глубинных смыслов произведения. Метафора давно перестала восприниматься как простое украшение текста; в современной науке о языке она понимается как фундаментальный когнитивный механизм, позволяющий осмысливать и структурировать окружающую действительность. В художественном тексте метафора становится ключевым инструментом моделирования особой реальности – художественного мира автора [2, с. 17]. Этот мир, обладающий своими законами, ценностями и эстетикой, во многом строится именно на системе метафорических связей и ассоциаций. В частности, метафоры в англоязычных художественных текстах, таких как «Игра престолов» Дж. Р. Р. Мартина, открывают перед читателем сложные человеческие отношения, механизмы власти и моральные дилеммы, с которыми сталкиваются персонажи [4, с. 57]. В современном мире, где вопросы власти, конфликта и человеческой природы остаются актуальными, исследование метафор в этом произведении становится особенно значимым.

В основу анализа положен комплексный подход, интегрирующий несколько классификаций:

1. Классификация И. В. Арнольд позволяет дифференцировать метафоры по их роли в тексте: композиционные (сюжетные), формирующие каркас произведения; образные, создающие конкретные визуальные образы; и гиперболические, служащие для драматизации [1].

2. Классификация Н. Д. Арутюновой даёт возможность выделить номинативные метафоры, закрепляющиеся в языке мира как термины, и когнитивные метафоры, структурирующие восприятие реальности персонажами и читателем [2].

3. Подход Г. Н. Складневской к функциям метафоры (текстообразующая, эмоционально-оценочная, стилиобразующая) позволяет оценить её вклад в организацию повествования [6].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Для анализа художественного текста был выбран первый роман Джорджа Р. Р. Мартина «Игра престолов» из цикла произведений «Песнь льда и пламени».

«Игра престолов» Дж. Р. Р. Мартина представляет собой сложное произведение, которое сочетает в себе элементы фэнтези, исторического романа и психологической драмы. С его многослойным сюжетом, глубоко проработанными персонажами и актуальными темами, роман стал не только популярным литературным произведением, но и культурным феноменом, оказавшим влияние на современную литературу и телевидение [5].

В художественных текстах язык выступает не только как средство передачи информации, но и как инструмент решения эстетических задач. Как отмечает М. Н. Кожина, метафоричность является ключевой характеристикой художественного текста, а авторская метафора служит основой для создания художественного мира [3, с. 11]. Это подразумевает, что такие тексты обладают иносказательностью, фигуральностью и образностью. Автор использует не прямые номинации и имплицитно выражает свои оценки и мнения, что связано с его эстетическими задачами [3, с. 12].

Роман Джорджа Р. Р. Мартина «Игра престолов» представляет собой многослойный текст, насыщенный метафорическими образами, отражающими ключевые темы – борьбу за власть, судьбу, предательство, честь, страх, природа, магия. Эти темы получают образное воплощение в различных

метафорических выражениях, которые наполняют повествование. Метафора здесь не ограничивается отдельными фразами – она пронизывает структуру романа и служит основой смыслового наполнения вымышленного мира [7].

Одной из главных функций метафоры в «Игре престолов» выступает текстообразующая функция, благодаря которой метафора становится неотъемлемым элементом повествования. Через метафорические образы автор формирует целостный мир – жестокий, неоднозначный, пронизанный борьбой за власть и выживанием.

В мире «Игры престолов» метафора выступает как способ формирования целостной картины реальности. Одна из центральных метафор – «A Game of Thrones» – становится не просто названием произведения, но и основополагающим концептом, описывающим политическую борьбу за власть: «When you play the game of thrones, you win or you die». Эта композиционная метафора, по И. В. Арнольд, охватывает сюжетное пространство и задаёт главную рамку повествования: борьба за трон превращается в игру, где ставки – жизнь и смерть [1, с. 83]. Автор показывает, что судьбы людей становятся элементами игры, не зависящими от моральных категорий, а подчинёнными правилам власти и тактики. Более того, в тексте последовательно реализуется развёрнутая метафора игры, которая охватывает разные уровни повествования: от действий персонажей до развития сюжета и построения мира. Каждый из героев действует в рамках данной модели, выступая как игрок, на метафорическом поле борьбы за трон [8].

Таким образом, «игра» становится метафорой политического процесса, в котором задействованы человеческие амбиции, моральные дилеммы, манипуляции и борьба за выживание. «Игра престолов» становится не просто произведением с метафорическим названием, а большой метафорой власти и человеческой природы, в которой сюжет, персонажи и конфликты служат символами реальных политических процессов [9, 10].

Тесно с образом игры связана метафора власти, которая организует художественную вселенную романа. Власть в мире Вестероса представлена не только через политические действия, но и через развёрнутые метафоры, отражающие её хрупкость, жестокость и притягательность. Метафора «Iron Throne» символизирует обладание легитимной властью. В выражении «an ironwork monstrosity of spikes and jagged edges and grotesquely twisted metal» отражается идея о том, что власть некомфортна, опасна и требует жертв. Таким образом, метафора выполняет номинативную и когнитивную функции, где объект определяется как носитель концепта и структурируя понимание феномена власти в художественном мире.

Также метафоры, связанные с природными стихиями («Winter is coming»), создают атмосферу эпичности и напряжённости, передавая масштаб. Стихии в тексте часто персонифицированы и выступают как действующие силы, воздействующие на судьбы персонажей. Подобный приём делает мир более насыщенным эмоционально.

Кроме того, писатель часто использует образные метафоры, чтобы показать внутреннее состояние персонажей и подчеркнуть особенности их характера. Подобные метафоры способствуют эмоционально-оценочной функции, усиливая экспрессивность повествования и вовлечённость читателя. Так, в описаниях взглядов, мимики или внутреннего состояния героев часто используются метафоры с негативной или зловещей окраской: «his face was a ruin», «his smile was a blade», «a long, chilling look». Эти выражения позволяют читателю не просто увидеть героя, но и почувствовать его внутреннюю тревогу, страх или решимость.

Не менее важная функция метафоры считается стилеобразующая. Благодаря метафорическим образам язык романа приобретает индивидуальное художественное своеобразие, позволяющее выделить стиль Дж. Р. Р. Мартина среди других авторов жанра. Например, метафоры, связанные со стихиями – льдом, огнём, кровью. «I am the blood of the dragon, she told herself again» – это

яркая метафора, одновременно символизирующая силу и родовую память. Она выполняет идентифицирующую и эмоционально-оценочную функцию.

Необходимо подчеркнуть, что в тексте Дж. Р. Р. Мартина метафоры не функционируют изолированно. Напротив, они взаимодействуют и пересекаются. Так, одна и та же метафора может быть одновременно номинативной, когнитивной, текстообразующей и эмоционально-оценочной. Это свидетельствует о высокой степени метафорической насыщенности художественного мира и о сложной многослойной структуре.

Системный анализ метафор в романе позволяет не только выявить разнообразие метафорических средств, но и понять их функции в создании авторской картины мира.

Метафора как архитектор мира: от детали до концепции

1. Сюжетно-образующие метафоры

Согласно классификации И. В. Арнольд, именно композиционные (сюжетные) метафоры формируют основу всего произведения [1, с. 83]. В «Игре престолов» таковыми являются следующие центральные метафоры:

- «Железный трон». Это не просто символ власти, а сложный метафорический образ, воплощающий её насильственную природу. Сплавленный из мечей поверженных врагов, он «внушает скорее страх» и является постоянным напоминанием о завоевании. Авторская ремарка «король не должен чувствовать себя легко на престоле» раскрывает суть метафоры: власть – это не привилегия, а бремя и постоянная опасность.

- «Игра престолов». Борьба за власть метафорически осмысливается как игра с единственно возможными исходами: «ты либо выигрываешь, либо умираешь». Эта метафора пронизывает всё повествование, определяя мотивы и поступки персонажей, для которых дипломатия, война и интриги становятся стратегическими ходами.

- «Зима близко» (Winter is coming). Этот лейтмотив служит метафорой приближающегося хаоса, смерти и экзистенциальной угрозы. Зима выходит за

рамки климатического явления, становясь символом суровости мира, неизбежности испытаний и исторического рока.

Эти развёрнутые метафоры создают единую смысловую систему, концептуализируя основные темы произведения: власть, конфликт, судьба.

2. Метафоры, создающие атмосферу и характер

Более локальные, но не менее значимые метафоры работают на уровне создания атмосферы и раскрытия психологии персонажей.

- Образные метафоры оживляют мир, делая его осязаемым. Например, описание богослова: «высокие красные деревья роняли пятнистые тени на звенящие ручьи», – где природа наделяется активностью, создавая яркую, почти живописную картину. Другой пример – «страх режет глубже мечей», – делает абстрактные идеи понятными и яркими, усиливая эмоциональное воздействие.

- Простая и гиперболическая метафоры служат для точечной характеристики. Фраза «Его улыбка была лезвием» является простой метафорой, мгновенно передавая скрытую угрозу. А выражение «Его ярость была бурей, сметающей всё на своём пути» – это гиперболическая метафора, драматизирующая эмоциональное состояние персонажа, доводя его до масштабов стихийного бедствия.

- Традиционные метафоры, такие как «волк в человеческой шкуре», обретают новую жизнь в контексте мира Дж. Р. Р. Мартина, где символы домов (волк Старков, лев Ланнистеров) становятся основой для метафорического осмысления характеров и их конфликтов.

Классификация Н. Д. Арутюновой помогает понять когнитивные и языковые функции метафор.

- Номинативные метафоры закрепляются в языке мира как термины: «Длань Короля», «Кровь дракона». Они не только дают названия, но и несут в себе скрытые смыслы (например, «кровь дракона» указывает на исключительность и право на власть дома Таргариенов).

- Когнитивные метафоры структурируют восприятие мира персонажей и читателя. Так, метафора «He sent his horse into a trot» («Он послал лошадь рысью») отражает модель мышления, где управление животным приравнивается к отправке объекта. А метафора «зимы» концептуализирует саму идею неизбежной угрозы.

- Генерализующие метафоры, подобные «игре престолов», упрощают и систематизируют сложные политические процессы, представляя их в виде понятной модели-игры.

В произведении Джорджа Р. Р. Мартина «Игра престолов» метафора становится способом концептуализации мира, в котором действуют персонажи, и отражает одну из основных концептов романа – власти, которая представлена метафорой игры. Выходя за рамки отдельного стилистического приёма, метафора игры превращается в концептуальную метафору, которая охватывает всю структуру произведения. Власть в произведении представлена как сложная, стратегическая шахматная партия, где каждый персонаж выполняет определённую роль – от короля до пешки. Такое построение позволяет автору передать идею, что борьба за трон – это не просто политическое противостояние, а интеллектуальный поединок, где важны определённые стратегии и тактики. Эта метафора работает на протяжении всего текста, повторяется в репликах героев и сюжетных поворотах, превращаясь в текстообразующий элемент. Следовательно, даже название произведения говорит о том, что перед читателем не просто рассказ о борьбе за власть, а модель мира, построенного по принципу игры.

Заключение

Таким образом, в ходе работы было также выяснено, какую роль играют метафоры в современной литературе на примере разбора произведения «Игра престолов». Метафора в романе «Игра престолов» выполняет сразу несколько функций, ключевыми из которых являются когнитивная, текстообразующая, эмоционально-оценочная и стилеобразующая. Употребление метафоры

способствует созданию многогранного художественного мира, в котором язык не просто отражает реальность, но формирует её.

Метафора в творчестве Дж. Р. Р. Мартина выполняет не просто украшательскую, а фундаментальную функцию. От простых и гиперболических метафор, оттачивающих образы персонажей, до масштабных сюжетных метафор – все они сплетаются в единую систему. Эта система не только обогащает текст, но и создаёт глубокий, многомерный художественный мир, где абстрактные понятия власти, страха, долга и судьбы обретают зримые, материальные формы. Метафора у Дж. Р. Р. Мартина становится главным инструментом, переводящим философские и моральные дилеммы на язык ярких, запоминающихся образов, которые и составляют основу его произведения.

Перспективой исследования представляется сравнительный анализ метафор в других романах цикла «Песнь льда и пламени», а также сопоставление метафорической системы произведения с экранной адаптацией.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М., 1999. 824 с.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. 224 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Сальникова Е. В. Трансформация мотивов классической драматургии в сериале «Игра престолов» // Наука телевидения. 2019. № 15.2. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-motivov-klassicheskoy-dramaturgii-v-seriale-igra-prestolov (дата обращения: 26.10.2025).

6. Складовская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.

7. Урашаева Э. Р., Агаюлова С. И. Метафоричность в произведении Дж. Р. Р. Мартина «Игра престолов» // Креативная лингвистика: сборник научных статей / составители: Е. Н. Галичкина, Ю. М. Фокина, Е. В. Илова. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2025. Вып. 8. С. 506–510.

8. Штейнман М. А. Трансформация метафоры власти в XX – начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития. 2019. № 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-metafory-vlasti-v-xx-nachale-xxi-stoletiya-na-primere-proizvedeniy-dzh-r-r-tolkina-i-dzh-martina> (дата обращения: 26.10.2025).

9. Юрина Н. М. Интертекстуальный характер метафоры: культурно-специфические явления и метафорические символы в романах Дж. Р. Р. Мартина // Вестник Башкирск. ун-та. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnyy-harakter-metafory-kulturno-spetsificheskie-yavleniya-i-metaforicheskie-simvoly-v-romanah-dzh-r-r-martina> (дата обращения: 21.10.2025).

10. Martin George R. R. A Game of Thrones. New York : Bantam, 1997. 864 p.

References:

1. Arnold I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk. M.: Flinta: Nauka, 2002. 384 s.

2. Arutyunova N. D. Metafora v yazyke chuvstv // Yazyk i mir cheloveka. M., 1999. 824 s.

3. Kozhina M. N. Stilistika russkogo yazyka. M.: Prosveshhenie, 1993. 224 s.

4. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory`, kotory`mi my` zhivym / per. s angl. A. N. Baranova, A. V. Morozovoj; pod red. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.

5. Sal`nikova E. V. Transformaciya motivov klassicheskoy dramaturgii v seriale «Igra prestolov» // Nauka televideniya. 2019. № 15.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-motivov-klassicheskoy-dramaturgii-v-seriale-igra-prestolov> (data obrashheniya: 26.10.2025).

6. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazy`ka. SPb.: Nauka, 1993. 152 s.

7. Urashaeva E`. R., Agagyulova S. I. Metaforichnost` v proizvedenii Dzh. R. Martina «Igra prestolov» // Kreativnaya lingvistika: sbornik nauchny`x statej / sostaviteli: E. N. Galichkina, Yu. M. Fokina, E. V. Ilova. Astraxan`: Astraxanskij gosudarstvenny`j universitet im. V. N. Tatishheva, 2025. Vy`p. 8. S. 506–510.

8. Shtejnman M. A. Transformaciya metafory` vlasti v XX – nachale XXI stoletiya (na primere proizvedenij Dzh. R. R. Tolkina i Dzh. Martina) // Politiya. 2019. № 2 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-metafory-vlasti-v-xx-nachale-xxi-stoletiya-na-primere-proizvedeniy-dzh-r-r-tolkina-i-dzh-martina> (data obrashheniya: 26.10.2025).

9. Yurina N. M. Intertekstual`ny`j xarakter metafory`: kul`turno-specificheskie yavleniya i metaforicheskie simvoly` v romanax Dzh. R. R. Martina // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnyy-harakter-metafory-kulturno-spetsificheskie-yavleniya-i-metaforicheskie-simvoly-v-romanah-dzh-r-r-martina> (data obrashheniya: 21.10.2025).

10. Martin George R. R. A Game of Thrones. New York : Bantam, 1997. 864 p.

Информация об авторах:

С. И. Агагюлова – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Э. В. Мошникова – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

S. I. Agagyulova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

E. V. Moshnikova – Ph. D. (Pedagogics), Associate Professor, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 24.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81.42

ФУНКЦИИ И СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ЗАГОЛОВКОВ ВИДЕОБЛОГОВ В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена Николаевна Галичкина

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

elenagalich@rambler.ru

Аннотация. Описаны функции и синтаксические модели организации заголовков видеоблогов. Дано определение видеозаголовка, который рассматривается как лингвовизуальный комплекс, представляющий собой свёрнутый знак, выраженный вербальными (текст) и невербальными (визуальный ряд, звук) компонентами и обладающий относительной коммуникативной самостоятельностью. Материалом для исследования послужили 200 русских заголовков видеоблогов, посвящённых игре Майнкрафт, отобранных методом сплошной выборки на платформе Rutube за период 2024–2025 годов. Выделены доминирующие функции видеозаголовков: информативная и аттрактивно-прагматическая. Прагматическая функция заголовка видеоблога реализуется через смысловое свёртывание содержания видео, что наиболее наглядно проявляется в двух основных типах: заголовок-интрига, использующий ключевую фразу из видео, и заголовок-резюме, прямо формулирующий ключевую тему видеоролика.

Ключевые слова: заголовок, видеоблог, интернет-дискурс, компьютерно-игровой дискурс, видеозаголовок

Для цитирования: Галичкина Е. Н. Функции и структурные типы заголовков видеоблогов в сетевой коммуникации // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 19–32.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81.42

**FUNCTIONS AND STRUCTURAL TYPES OF VIDEOBLOG HEADLINES
IN NETWORK COMMUNICATION**

Elena N. Galichkina

Astrakhan State university named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

elenagalich@rambler.ru

Abstract. The article describes the functions and syntactic models of videoblog headings. The author provides the definition of a video heading, which is considered as a linguo-visual complex representing a condensed sign expressed through verbal (text) and non-verbal (visuals, sound) means, possessing relative communicative autonomy. The research material comprises 200 Russian Minecraft videoblog headings selected through continuous sampling on the RuTube platform during the 2024–2025 period. The study identifies the dominant functions of video headings: informative and pragmatic. The latter is realized through semantic condensation of the video content, most clearly manifested in two main types: an intrigue-based heading, utilizing a key phrase from the video, and a summary-based heading, which directly formulates the video's central theme.

Keywords: heading, videoblog, digital discourse, computer-game discourse, video heading

For citation: Galichkina E. N. Functions and structural types of videoblog headlines in network communication // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 19–32. (In Russ.).

Введение

В современном интернет-пространстве наблюдается стремительный рост популярности видеоконтента, что объясняется особенностями восприятия современного пользователя – стремлением к получению информации быстро и в удобном формате (картинка + звук). Перед блогерами, как авторами контента, стоит двоякая задача: с одной стороны, необходимо создать информативные, а с другой – привлекательные видеозаголовки в условиях высокой конкуренции. Поэтому исследование функций и структурных типов видеозаголовков в условиях интернет-коммуникации приобретает особое значение.

В научном сообществе очевиден растущий интерес к интернет-дискурсу, однако функциональная специфика и прагматические особенности заголовков видеоблогов остаются недостаточно изученными и требуют целостного теоретического осмысления. Этим и определяется актуальность представленного исследования.

Цель исследования – описать функции заголовков видеоблогов, выделить их структурные типы и синтаксические средства реализации.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Лингвистическая традиция изучения заголовков сложилась в рамках анализа печатных СМИ, в первую очередь – газет. По мнению Ю. А. Беловой, заголовок представляет собой свёрнутый лингвосемиотический знак, графически обособленный и обладающий относительной коммуникативной самостоятельностью. Занимая абсолютно начальную позицию и будучи единым для всего текста, он реализует комплекс функций: номинативную, характеризующую, прогностическую и интерпретационную, наделяя текст

имплицитными смыслами [1, с. 87]. Эмоционально-оценочная окраска заголовка обеспечивает привлечение и удержание внимания реципиента [6, с. 609]. По образному выражению А. П. Бессонова, заголовок является «вывеской», чья способность привлечь читателя определяется уровнем её эмоционально-оценочной окраски [2, с. 14]. Исследователь отмечает, что заголовок – это номинативная единица, которая в лаконичной и точной форме актуализирует ключевую концепцию публикации [2, с. 40].

К базовым функциям заголовка ряд исследователей относит: номинативную, информационную, экспрессивно-апеллятивную, рекламную и разделительную [8, с. 89]. Реализация определённой функции обусловлена стилевыми и жанровыми характеристиками публикации [7, с. 47], в этой связи заголовок может актуализировать как одну, так и несколько функций одновременно [8, с. 88].

Согласно классификации В. П. Вомперского, заглавию присущи четыре основные функции: коммуникативная, апеллятивная (или воздействующая), экспрессивная и графически-выделительная [4, с. 83]. Г. О. Винокур определяет три ключевые функции заглавия: обозначающую, указательную и рекламную [3, с. 100]. З. Я. Тураева, в свою очередь, выделяет схожие базовые функции, предлагая иную терминологию: номинативная, информационная и рекламная [9, с. 48]. Отметим, что все авторы представленных классификаций сходятся во мнении о том, что базовыми функциями заголовка являются: номинативная (идентификационная), информативная и экспрессивно-апеллятивная.

Феномен заголовка традиционно рассматривался в контексте газетных публикаций, его роль в цифровых медиа, в частности в видеоконтенте, приобретает новое значение. Применительно к материалу данного исследования видеозаголовки может быть определён как лингвовизуальный комплекс, представляющий собой свёрнутый знак, выраженный вербальными (текст) и невербальными (визуальный ряд, звук) средствами, обладающий относительной коммуникативной самостоятельностью.

Материалом для исследования послужили 200 заголовков русских видеоблогов, посвящённых игре Майнкрафт и отобранных методом сплошной выборки на платформе Rutube за период 2024–2025 годов. Выбор материала исследования обусловлен следующими причинами: 1) изучение заголовков видеоблогов позволяет систематизировать их характерные особенности и проанализировать ключевые функции, реализуемые в новых медиа; 2) исследование заголовков видеоблогов помогает определить наиболее значимые темы для русскоязычного сообщества игроков в Майнкрафт, интересы и характерные черты языковой культуры.

Майнкрафт – это компьютерная игра в жанре песочницы с элементами выживания и открытым миром. Её ключевой особенностью является сочетание трёхмерной графики и нового подхода к взаимодействию с игровым миром, где игрок может творчески конструировать виртуальное пространство посредством размещения и разрушения блоков. Возможность модификации игрового процесса превратила игру Майнкрафт в масштабную культурную и образовательную платформу. Авторы видеоблогов, посвящённых игре, стали ключевыми субъектами компьютерно-игрового дискурса.

В условиях высокой конкуренции на Rutube блогеры используют заголовки в качестве основного способа для привлечения аудитории. Проведённый количественный анализ показал, что оптимальными для восприятия информации являются заголовки длиной от 5 до 11 слов. Доминирующей функцией видеозаголовков является информативная, которая заключается в способности кратко передавать основное содержание видеоролика. Наиболее полно эту задачу реализуют двусоставные повествовательные предложения. Приведём показательные примеры с сохранением авторского написания:

Я прожил 100 дней на Одном Блоке в Майнкрафт Хардкоре

Я построил замок за 100 дней в Майнкрафт Хардкоре

Я с друзьями победил Дракона без брони в Хардкоре

В первом заголовке речь идёт об экстремальном выживании в условиях ограничения («на одном блоке»), которое лишает игрока всех базовых возможностей: нельзя добывать ресурсы с земли, строить укрытие. «100 дней» подчёркивает длительность испытания на прочность и терпение. Второй заголовок сообщает о грандиозном событии (строительстве замка) в условиях опасности. В третьем заголовке говорится о слаженной работе команды игроков, которые достигли высокого результата в ходе сложного тактического сражения. Использование грамматически полных предложений (двусоставных, распространённых) создаёт эффект личного рассказа, основанного на прожитом опыте, что способствует усилению доверия и вовлечённости аудитории.

Следующей важной функцией видеозаголовка является аттрактивно-прагматическая, которая направлена на воздействие на аудиторию: она призвана вызвать эмоциональный отклик, создать интригу и побудить к просмотру. Примером её реализации служат заголовки двух тематических групп.

Первая тематическая группа с «Это» и «Вот что случилось»:

Я ВЫКОПАЛ 20000 БЛОКОВ И НАШЕЛ ЭТО ...

Я ВЫКОПАЛ 10000 БЛОКОВ И НАШЕЛ ЭТО в Майнкрафт

*Я Добавил САМЫХ *МЕМНЫХ* МОБОВ в Майнкрафт и Вот Что Получилось!*

*Я Добавил САМЫЕ *ГЛУПЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Произошло!*

*Я Испытал Самые *БЕЗУМНЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Вышло!*

Использование местоимения «это» в конструкции «Вот что произошло / получилось / вышло» указывает на результат, но намеренно скрывает объект, вызывая у зрителя сильное желание посмотреть видео и узнать разгадку.

Вторая тематическая группа с использованием слов «запрещённый», «секретный»:

*Я УЗНАЛ СЕКРЕТЫ *ЗАПРЕЩЁННЫХ* МОДОВ в Майнкрафт И ПОКАЗАЛ ВСЕМ!*

*Я Испытал Самые *СЕКРЕТНЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Случилось!*

Лексические единицы «запрещённые» и «секретные» апеллируют к подсознательному стремлению зрителей обладать эксклюзивной информацией. В результате анализа словарных дефиниций («запрещённый – 1. прич. страд. прош. от запретить; 2. в знач. прил. попавший под запрет, недозволенный» [Ефремова 2000: 59]; «секретный – такой, который является секретом, тайной для других, который держится в секрете» [5, с. 132]) были выявлены следующие семы: «наличие ограничения, запрета», «недозволенность, невозможность совершения действия», «нарушаемость», «наличие скрытой информации», «утаивание информации», «ограниченный круг посвящённых», «важность информации».

Функция заголовка видеоблога заключается в «свёртывании» основного смысла видео. Наиболее наглядно это свойство реализуется в двух распространённых типах: заголовок-интрига, использующий яркую фразу из видео, и заголовок-резюме, который прямо формулирует главную тему видео.

Большая часть проанализированных заголовков (84 %) построены как неполные предложения с опущением подлежащего:

Выжил 1000 НОЧЕЙ в Лесу

Выжил на ОСТРОВЕ ОБНОВЛЕНИЙ в Майнкрафт!

Построил Самый КРУГЛЫЙ САМОЛЕТ в ИГРЕ

Поставил МИРОВОЙ РЕКОРД в 99 Ночей в Лесу!

Вынесение личной формы глагола в прошедшем времени («выжил», «построил») на первое место создаёт акцент на результате и достижении («Выжил 1000 НОЧЕЙ в Лесу», «Построил ЛУЧШУЮ БАЗУ в 99 Ночей в Лесу!») или месте действия («Выжил на ОСТРОВЕ ОБНОВЛЕНИЙ в Майнкрафт!»). Сказуемые («поставил», «построил») стоят в прошедшем

времени совершённого вида, что подчёркивает завершённость действия и демонстрирует конкретный достигнутый результат. «Самый» выражает превосходную степень, а прилагательное «круглый» в данном контексте создаёт юмористический эффект и выделяет заголовок видео.

Использование восклицательного знака и написание прописными буквами («УЛУЧШЕННОМ») компенсирует грамматическую неполноту эмоциональной и смысловой нагрузкой в следующем заголовке: *Провёл 100 Дней в Эндер Мире в УЛУЧШЕННОМ Майнкрафт ХАРДКОР!*

Синтаксическая организация видеозаголовков представлена рядом моделей, среди которых можно выделить двусоставные (*Я пережил 100 дней в Хардкоре без единой смерти*), односоставные (*Стало невозможно играть после этого обновления*), восклицательные (*Это самая опасная ловушка для игроков в Хардкоре!*), эллиптические (*Только для хардкорных игроков*) и номинативные конструкции (*Ловушка для скелетов и зомби*).

Основной структурной моделью выступает:

[Сказуемое] + [Прямое дополнение] + [Обстоятельство времени] + [Обстоятельство места]:

Поставил МИРОВОЙ РЕКОРД в 99 Ночей в Лесу!

Построил ЛУЧШУЮ БАЗУ в 99 Ночей в Лесу!

Синтаксическая структура видеозаголовка организована таким образом, чтобы продемонстрировать достижения и успехи, убеждая зрителя в уникальности контента.

Для современных создателей контента важной является демонстрация конкретных результатов и личных достижений:

УЗНАЛ КУДА ПРОПАЛА МАМА ЗЛЫХ РОДИТЕЛЕЙ В SCHOOLBOY RUNAWAY В МАЙНКРАФТ!

Собрал САМЫЕ МОЩНЫЕ СТРЕЛЫ в Майнкрафт!

Собрал ВСЕ УЖАСЫ в Майнкрафт ХАРДКОР

РАЗГАДАЛ ТАЙНУ ВУЛКАНА В 99 НОЧЕЙ В Лесу!

Глаголы совершенного вида («узнал», «собрал», «разгадал») обозначают завершённое действие и передают идею получения секретной информации (начальный этап) – «узнал»; практического действия, соединения элементов (развитие) – «собрал»; интеллектуального решения загадки (кульминация) – «разгадал». Обратим внимание на использование форм превосходной степени для усиления значимости («самые мощные») и использовании лексемы «все» для выражения полноты действия. В заголовке не говорится о конкретных результатах деятельности автора. Данная смысловая незавершённость стимулирует познавательный интерес, мотивируя аудиторию к просмотру видео.

Значительная часть заголовков (87 %) построена по синтаксической модели, подчёркивающей завершённость и уникальность результата:

«Я [Подлежащее] + [Сказуемое в прошедшем времени] + [Дополнение] + [Обстоятельство]».

Например:

Я ПОСТРОИЛ СЕКРЕТНУЮ БАЗУ в 99 Ночей в Лесу!

Я Украл 8 НОВЫХ БРЕЙНРОТОВ!

Я Выжил 99 Ночей в Лесу за ОЛЕНЯ!

Я Потратил 927,825,314\$ Чтобы Поймать САМУЮ БОЛЬШУЮ РЫБУ

Я Сделал МАКСИМАЛЬНОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ и Получил ЭТО

Я ВЫКОПАЛ 20000 БЛОКОВ И НАШЕЛ ЭТО ...

Я Поймал 100 ЖИТЕЛЕЙ В Майнкрафт ХАРДКОР

Посредством синтаксической модели «Я [Подлежащее] + [Сказуемое в прошедшем времени] + [Дополнение] + [Обстоятельство цели]» достигается драматизация содержания и усиливается интрига: «Я Выжил 99 Ночей в Лесу за ОЛЕНЯ!».

Посредством глаголов деятельности «проверил», «испытал», «узнал» выстраивается коммуникативная стратегия экспертного мнения автора как обладателя экспертного знания:

Я Проверил 97 СУПЕР СЕКРЕТНЫХ МИФОВ в Майнкрафт 1.20!

*Я Испытал Самые *БЕЗУМНЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Вышло!*

*Я Испытал Самые *ОПАСНЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Случилось!*

*Я Испытал Самые *ЗАПРЕЩЁННЫЕ* МОДЫ в Майнкрафт и Вот Что Случилось!*

*Я УЗНАЛ СЕКРЕТЫ *ЗАПРЕЩЁННЫХ* МОДОВ в Майнкрафт И ПОКАЗАЛ ВСЕМ!*

Автор видео берёт коллекцию популярных теорий о Майнкрафт и на практике проверяет каждую из них. Конкретная цифра «97» создаёт ощущение масштабности проведённой работы. С помощью заголовка автор хочет погрузить зрителя в мистический мир компьютерной игры. В вышеприведённых заголовках используется игровая сленговая единица «мод» (сокращение от «модификация») – это изменение компьютерной игры, обычно осуществлённое любителями компьютерных игр, с целью изменения или дополнения оригинальной версии игры. Глаголы с семантикой познания («проверил», «испытал», «узнал») актуализируют стратегию экспертной самопрезентации, конструируя образ автора видео как источника достоверной информации. Семантика глагола «узнал» включает в себя интегральную сему «познавательная деятельность», конкретизируемую дифференциальной семой «приобретение опыта через личное взаимодействие с объектом», в нашем случае – с компьютерной игрой.

Анализ эмпирического материала показал, что 48 % заголовков построено по модели:

[Название игры] + [противительный союз «но»] + Я [Подлежащее] + [модальный глагол]:

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ СУПЕР ОРУЖИЕ!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ СУПЕР ЛОПАТЫ!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ ЯБЛОКИ!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ СУПЕР КИРКИ!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ ЛУК!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ ОГНИВО!

Майнкрафт, но Я Могу УЛУЧШАТЬ ПРЕДМЕТЫ!

Майнкрафт, но Я Добавил НОВЫЕ СУПЕР ТОТЕМЫ!

Майнкрафт, но Я Могу СКРАФТИТЬ ВСЕХ МОБОВ!

Конструкция с союзом «но» в вышеприведённых примерах создаёт контраст – противопоставляет два разных способа игры в Майнкрафт: игра в стандартной версии (без модов) и в нестандартной с использованием пользовательских модификаций, которые могут кардинально менять игру. Применение модального глагола «могу» способствует формированию образа игрока, наделённого сверхспособностями.

Заключение

Синтаксис видеозаголовков подчинён прагматическому эффекту – привлечь внимание, убедить в ценности контента и побудить зрителя к просмотру, что достигается посредством намеренного эллипсиса и построения заголовка по модели «действие – результат». Это позволяет в одну строку вставить несколько ключевых для поиска и принятия решения элементов: количественный или временной показатель (99/100/500/1000 и др.), уникальные условия («Хардкор», «Один Блок», «Эндер Мир») и результат («выжил», «построил», «узнал»). Данные синтаксические конструкции легко воспринимаются, запоминаются, обладают прагматическим потенциалом и формируют в сознании аудитории образ исключительного достижения или уникального опыта, который можно получить только в ходе просмотра видео. Видеозаголовок реализует комплекс прагматических функций: привлекает внимание аудитории за счёт акцента на масштабе действия и создаёт интригу путём намеренного умолчания результата, выраженного указательным местоимением «это». Пропуск подлежащего в заголовке и использование

прилагательных «секретный», «запрещённый» способствуют достижению перлокутивного эффекта эмоционального воздействия на зрителя.

Список литературы:

1. Белова А. П. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов: дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 2008. 203 с.
2. Бессонов А. П. Газетный заголовок. Л.: Наука, 1958. 62 с.
3. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Просвещение, 1959. 221 с.
4. Вомперский В. А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства): тез. докл. на республиканской научной конференции. Алма-Ата, 1966. С. 82–85.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 345 с.
6. Илюйкина Е. Ю., Юрина Е. А. Языковые особенности франкоязычных газетных заголовков // XLVII Огарёвские чтения. Материалы научной конференции. В 3-х частях. Ч. 3. Гуманитарные науки / отв. за выпуск П. В. Сенин. Саранск, 2018. С. 608–612.
7. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
8. Мужев В. С. О функциях заголовков // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. С. 86–94.
9. Тураева З. М. Лингвистика текста: структура и семантика. М.: Просвещение, 1986. 126 с.

References:

1. Belova A. P. Strategii interpretacii smysla gazetnyh zagolovkov britanskih media-tekstov: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 2008. 203 s.
2. Bessonov A. P. Gazetnyj zagolovok. L.: Nauka, 1958. 62 s.

3. Vinokur G. O. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M.: Prosveshhenie, 1959. 221 s.
4. Vomperskij V. A. K izucheniju sintaksicheskoy struktury gazetnogo zagolovka // Iskustvo publicistiki (problemy teorii i masterstva): tez. dokl. na respublikanskoj nauchnoj konferencii. Alma-Ata, 1966. S. 82–85.
5. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij jazyk, 2000. 345 s.
6. Iljukina E. Ju., Jurina E. A. Jazykovye osobennosti frankojazychnyh gazetnyh zagolovkov // XLVII Ogarjovskie chtenija. Materialy nauchnoj konferencii. V 3-h chastjah. Ch. 3. Gumanitarnye nauki / otv. za vypusk P. V. Senin. Saransk, 2018. S. 608–612.
7. Lazareva Je. A. Zagolovok v gazete. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 96 s.
8. Muzhev V. S. O funkcijah zagolovkov // Uchenye zapiski MGPIIJa im. M. Toreza. 1970. Vyp. 55. Voprosy romano-germanskoj filologii. S. 86–94.
9. Turaeva Z. M. Lingvistika teksta: struktura i semantika. M.: Prosveshhenie, 1986. 126 s.

Информация об авторе:

Е. Н. Галичкина – доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

E. N. Galichkina – Ph. D. (Philology), Professor, Astrakhan State university named after V.N. Tatishchev

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 21.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 5.9.8

ТАКСИСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБСТАНТИВИРОВАННОГО ИНФИНИТИВА В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Марина Юрьевна Ивонина

Пермский государственный научно-исследовательский университет, Пермь,
Россия

marinaivonina@psu.ru

Аннотация. В итальянском языке существует и продуктивен в настоящее время субстантивированный инфинитив, который образуется от инфинитива как настоящего, так и прошедшего времени путём постановки перед ним детерминатива. Данный вид девербатива, приобретая синтаксические свойства существительного – способность участвовать в предложении в различных ролях, в которых обычно выступает существительное, – не теряет своих вербальных признаков, в частности, может присоединять к себе зависимые слова по образцу глагола. Такой инфинитив с зависимыми словами может иметь любую длину и выступает в предложении как единое логическое существительное, обладая при этом предикативностью. Вторично-предикативная конструкция с нефинитной формой глагола, какой является и инфинитив, принимает участие в создании отношений зависимого таксиса (одновременности, предшествования, следования). Категория таксиса в функциональной грамматике выражает временное соотношение событий внутри ситуации, выраженной предложением. В соответствии с концепцией функционально-семантического поля, категория может быть выражена

языковыми средствами разных уровней строя языка. Таксис в предложениях с субстантивированным инфинитивом актуализируется за счёт собственно глагольной формы – существует инфинитив настоящего времени и инфинитив прошедшего времени со значением завершённости – и с помощью других языковых средств, к которым относятся темпоральные предлоги и наречия, другая темпоральная лексика, а также языковые средства, связанные со смежными глагольными категориями аспектуальности и процессуальности. В силу своих сохранившихся глагольных признаков субстантивированный инфинитив обладает таксисным потенциалом как сам по себе, так и в сочетании с предлогами и другой темпоральной лексикой, при этом он может служить для передачи значений как таксиса одновременности, так и таксиса разновременности.

Ключевые слова: таксис, функциональная грамматика, итальянский язык, девербатив, субстантивированный инфинитив

Для цитирования: Ивонина М. Ю. Таксисный потенциал субстантивированного инфинитива в итальянском языке // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 33–52.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 5.9.8

TAXIS POTENTIAL OF THE SUBSTANTIVIZED INFINITIVE IN THE ITALIAN LANGUAGE

Marina Y. Ivonina

Perm State National Research University, Perm, Russia

marinaivonina@psu.ru

Abstract. In Italian, the substantivized infinitive exists and remains productive today. It is formed from the infinitive – either present or past – by placing a determiner before it. This type of deverbative, while acquiring the syntactic properties of a noun – namely, the ability to participate in a sentence in the various roles typically played by nouns – does not lose its verbal characteristics; in particular, it can take dependent words following the pattern of a verb. Such an infinitive with dependent words can be of any length and functions in a sentence as a single logical noun, while still retaining predicative properties. A secondary-predicative construction with a non-finite verb form, such as the infinitive, participates in the creation of dependent taxis relations (simultaneity, precedence, succession). In functional grammar, the category of taxis expresses the temporal relationship of events within the situation represented by the sentence. According to the concept of a functional-semantic field, this category can be realized through linguistic means at different levels of the language system. Taxis in sentences with a substantivized infinitive is actualized through the verb form itself – either the present infinitive or the past infinitive, which conveys completion – as well as through other linguistic means, including temporal prepositions, adverbs, other temporal lexical items, and linguistic devices associated with related verbal categories such as aspectuality and processuality. Due to its preserved verbal properties, the substantivized infinitive possesses taxis potential both on its own and in combination with prepositions and other temporal vocabulary; it can convey meanings of both simultaneous and non-simultaneous taxis.

Keywords: taxis, functional grammar, Italian language, deverbative, substantivized infinitive

For citation: Ivonina M. Y. Taxis potential of the substantivized infinitive in the Italian language // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 33–52. (In Russ.).

Введение

Категория таксиса занимает важное место в функциональной грамматике наряду с другими категориями, такими как вид и аспектуальность, время и темпоральность, временная локализованность, персональность, залог и залоговость, наклонение, модальность. Таксис, по определению А. В. Бондарко, – это «выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесённость действий в рамках единого темпорального плана» [2, с. 28–29]. Иными словами, семантика категории таксиса основана на временном соотношении описанных в предложении ситуаций. Выделяются таксисные отношения одновременности и разновременности (предшествования и следования) [3, с. 234–235].

Рассматривая вопрос о средствах актуализации таксиса в итальянском языке, мы придерживаемся положения функциональной грамматики о функционально-семантическом поле, включающем в себя единицы различных уровней строя языка. Единицы, отвечающие за выражение категории таксиса, отличаются в зависимости от того, соотносится ли описываемая в предложении ситуация с моментом самого речевого акта или не связана с этим моментом. В первом случае – С. М. Полянский называет это «векторным» временем – основным средством передачи таксисных отношений выступают глагольные формы настоящего, будущего, прошедшего времён. Во втором случае, когда отношения одновременности или разновременности событий в предложении существуют безотносительно момента речи [6, с. 6] – это, в терминологии С. М. Полянского, «позиционное» время – задействуется иной набор языковых средств, включающий в себя относительные глагольные времена, временную лексику (как глагольную, так и неглагольную), временные союзы, предлоги и наречия. Принимается во внимание также аспектуальное значение предикатов [7, с. 34–35].

Таксисные отношения возникают между двумя и более ситуациями, пара ситуаций является необходимым минимумом для того, чтобы говорить

о таксисе. Исследователи выделяют отношения независимого и зависимого таксиса. При независимом таксисе обе ситуации в паре выражены самостоятельными грамматическими основами, т. е. в предложении можно выделить пару глагольных предикатов, выраженных глаголами в финитных формах. При зависимом таксисе лишь одно событие в паре выражено финитной формой глагола, что делает предложение формально монопредикативным. Второе событие из пары представлено вторично-предикативной конструкцией с нефинитной формой глагола – к ним относятся причастие, герундий, инфинитив.

Об этом говорит В. С. Храковский, характеризуя способы передачи таксисных значений в предложении: он указывает, что предикаты, вступающие в таксисные отношения, могут быть выражены «и с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм, и с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами, и с помощью предлогов / послелогов в совокупности с неспециализированными нефинитными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами» [8, с. 21]. На основании универсального деления глагольных форм на финитные и нефинитные В. С. Храковский выделяет разные комбинации таких форм в таксисных парах – когда оба предиката выражены финитными либо нефинитными формами или когда один из них выражен финитной, а другой нефинитной формой глагола [8, с. 21].

Наше исследование сфокусировано на одном из вариантов актуализации таксиса, при котором зависимый предикат выражен с помощью одной из нефинитных глагольных форм, а именно инфинитива, в его субстантивированном виде.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Субстантивированный инфинитив в итальянском языке можно отнести к девербативам – отглагольным образованиям, которые совмещают в себе

субстанциональные (предметные) и вербальные (глагольные) признаки. Вербальные признаки наследуются девербативами от глаголов, их производящих, вместе с их лексической и аспектуальной семантикой [1, с. 5], поэтому такой девербатив сохраняет предикативность.

Субстантивация инфинитива в итальянском языке происходит путём постановки перед ним артикля или другого детерминатива. Чаще всего используется определённый артикль мужского рода. В зависимости от первого звука слова, как и у имён существительных, выбирается артикль *il* (перед согласными), *lo* (перед определёнными сочетаниями согласных звуков) либо *l'* (перед гласными).

Нужно отличать субстантивированный инфинитив, сохранивший свои глагольные свойства, от отглагольных существительных, которые образовались от инфинитива путём конверсии и утратили свои вербальные синтаксические связи. [10, с. 32]. Такие существительные прошли полную субстантивацию и приобрели соответствующие морфологические категории, например, число (как известно, у нефинитных форм глагола нет числа, а для финитных форм глагола число неразрывно связано с категорией лица, так как именно сочетание этих двух категорий в единой глагольной форме характеризует элементы глагольной парадигмы). Так, глаголы *dovere* (быть должным) и *potere* (мочь) прошли полную субстантивацию, в результате которой возникли существительные *il dovere* (обязанность) и *il potere* (власть). Семантика этих новых лексем и исходных инфинитивов различается: производные отглагольные существительные приобрели новые коннотации и задействуются в иных контекстах. На уровне морфологии такие слова могут иметь как единственное, так и множественное число: *il dovere* – обязанность, *i doveri* – обязанности. Присутствие таких существительных в языке зафиксировано в словарях.

В отличие от тех девербативов, которые представляют собой существительные в чистом виде, субстантивированный инфинитив в итальянском языке не приобретает категорию числа, но всегда употребляется

с артиклем или другим детерминативом мужского рода единственного числа. Субстантивированный инфинитив, сохраняющий глагольные признаки, не является новой лексемой и не заносится в словарь – он воспринимается как синтаксическая конструкция, в чём-то аналогичная по значению и функциям английскому герундию. Приобретая формальные признаки существительного (способность присоединять детерминатив, получать определение в виде прилагательного или причастия, выполнять новые для глагола синтаксические функции), субстантивированный инфинитив не утрачивает свойств глагола, включая его валентность, и может присоединять к себе зависимые слова по той же схеме, что и производящий его глагол [10, с. 33]. Таким образом, субстантивироваться может не только единичный инфинитив, но и цельное построение из инфинитива и зависимых от него слов, которое представляет по своей сути целое, единое по смыслу логическое существительное [4, с. 136]. Субстантивирован может быть инфинитив любого глагола, в том числе возвратных глаголов.

В русском языке начальная форма глагола не подлежит субстантивации путём простой конверсии, поэтому невозможно подобрать полностью симметричную и эквивалентную по структуре русскую конструкцию для перевода. (Далее в статье будут приведены приблизительные переводы примеров, где смысл передан иными языковыми средствами).

Ma la difficoltà riguarda il trovare delle gomme con le misure espresse in pollici come scritto sul libretto? / Но в чём состоит трудность – найти шины с параметрами, обозначенными в дюймах, как написано в инструкции? [15].

Tutto nacque per caso, il trovarsi sopra un palco e dire: mi piace / Всё началось случайно – как человек оказался на сцене и сказал: «Мне это нравится» [15].

На примере глагола *trovare* видим, что он может быть субстантивирован в том числе и в своём возвратном виде. В обоих случаях глагол, приобретая признаки существительного и выступая в новых синтаксических функциях, –

например, прямого объекта – не теряет своих прежних свойств, таких как способность создавать синтаксические связи, типичные для глагола.

В частности, при субстантивации сохраняется и способность переходного глагола иметь прямой объект, и управление глагола – предлог, с помощью которого присоединяется последующий инфинитив:

*Inutile e diseducativo credo sia **il cercare l'aiuto di Cesare** / Считаю, что попытки искать помощи от Чезаре бесполезны и вредны для воспитания [15].*

*Adesso anche **il cercare di risparmiare, di ridurre i consumi energetici, viene di fatto ostacolato dal Governo Italiano** / Теперь итальянское правительство фактически препятствует даже попыткам экономить и сократить потребление энергии [15].*

Итак, итальянский субстантивированный инфинитив является нефинитной формой глагола, но сохраняет предикативность в своей семантике и может описывать цельную ситуацию. Следовательно, этот элемент предложения может вступать в таксисные отношения с другими ситуациями в рамках того же предложения.

Таким образом, первое основание таксисного потенциала итальянского субстантивированного инфинитива – это его предикативность и способность присоединять к себе в виде зависимых слов другие элементы ситуации. Безусловно, отдельно взятый субстантивированный инфинитив также имеет таксисный потенциал, но в этом виде он максимально близок по своему функционированию к любому другому девербативу; уникальные синкретические вербально-именные свойства субстантивированного инфинитива проявляются именно в ситуациях, когда описываемое им действие детализировано с помощью зависимых слов.

Независимый таксис

Таксисное значение может приобретаться субстантивированным инфинитивом за счёт присутствия в его непосредственном окружении темпоральной лексики, в которую входят наречия времени, темпоральные

предлоги, а также глаголы со значением начала, продолжения, завершения действия и другие лексические единицы с темпоральными компонентами значения.

A una fermata Roy scompare e Jessie finisce con il trovarsi da sola con Carlos / На одной из станций Рой выходит, и Джесси в конце концов оказывается наедине с Карлосом [13].

В приведённом примере субстантивированный инфинитив введён глаголом *finire*, который акцентирует, что действие, обозначенное инфинитивом *il trovarsi*, произошло после предыдущего действия, выраженного глаголом *scompare*. Тот же глагол видим в следующем примере:

Le donne... finiscono con il diventare una funzione perdendo l'identità di persone / Женщины... в конце концов становятся лишь функцией, теряя человеческую индивидуальность [11].

I momenti in cui l'effetto è maggiore sono quelli che coincidono con il suo sorgere e con il suo tramontare / Моменты, когда достигается наибольший эффект – это те, которые совпадают с его восходом и закатом [12].

В данном случае таксис одновременности реализован с помощью глагола *coincidere* – «совпадать», семантика которого содержит значение одновременного протекания событий.

Для итальянского языка очень характерно использование субстантивированного инфинитива с предлогами. Обычно это простые предлоги, которые имеют множество значений и сами по себе не входят в инвентарь узко темпоральной лексики, но в контексте употребления с субстантивированным инфинитивом приобретают такие значения.

В первую очередь это предлог IN:

Cosa ti blocca nel trovare lavoro? / Что тебе мешает найти работу? [15].

Alcuni spettatori hanno segnalato difficoltà nel seguire lo sviluppo del racconto / Некоторые зрители сообщили о сложности в том, чтобы следить за развитием сюжета [12].

Il problema delle persone è la pigrizia nel trovare vie d'uscita e soluzioni / Проблема людей – это лень в том, чтобы находить выходы из ситуаций и решения [15].

Izzo si esaltava nel dare ordini / Иццо испытывал восторг от того, что раздаёт приказы [12].

In realtà è la conseguenza diretta alle difficoltà che incontrano oggi i giovani nel trovare un posto di lavoro / На самом деле это прямое следствие проблем, которые ныне испытывает молодёжь в том, чтобы найти рабочее место [15].

Приведённые примеры показывают, что субстантивированный инфинитив участвует в таксисной паре событий, которые происходят одновременно. При этом одно из событий выражено финитным предикатом, а другое представлено субстантивированным инфинитивом с предлогом *in*. (*Nel* – слитная форма предлога *in* с определённым артиклем мужского рода *il*). Сочетание с предлогом *in*, таким образом, очень часто встречается именно в процессе актуализации таксиса одновременности.

Но это не единственное возможное значение предлога *in* при выражении таксисных отношений с помощью субстантивированного инфинитива: его употребление может быть связано и с отношением предшествования/следования:

Pensavo fosse più piccolo e sono rimasta contenta nel trovarlo più grande come dimensioni / Я думала, что он меньше, и осталась довольна, обнаружив, что он гораздо большего размера [15].

Nel cercarle le aveva trovate e nel trovarle il ricordo quasi l'ammazzo' / Поискав их, он их нашёл, а когда нашёл, воспоминания чуть не уничтожили его [14].

Из вышеприведённых примеров очевидно, что предлог *in* может участвовать и в выражении таксиса разновременности – это логически следует из смысла предложения.

Предлог CON также вводит субстантивированный инфинитив как одновременное действие:

Le donne continuano a subire disuguaglianze che si accentuano con l'avanzare dell'età / Женщины по-прежнему ощущают неравенство, которое только усиливается с повышением возраста [12].

Также можно встретить употребления с предлогом DA, который имеет в итальянском языке, среди прочего, значение, указывающее на отправную точку или начало периода:

A poche ore dall'entrare in vigore dei "dazi reciproci" il tycoon parla dei Paesi colpiti dalle tariffe / Спустя несколько часов после вступления в силу «двусторонних пошлин» магнат говорит о странах, затронутых этими выплатами [16].

Perché prendersi cura di sé parte anche da qui: dall'imparare a chiederci non solo "Cosa voglio mangiare?", ma anche "Di cosa ho davvero bisogno?" / Потому что забота о себе начинается и с этого: с того, чтобы научиться спрашивать себя не только «Что я хочу поесть?», но и «Что мне действительно нужно?» [12].

В данном примере существуют особенные таксисные отношения, которые можно рассматривать с точки зрения как одновременности, так и разновременности: действие, обозначенное инфинитивом *l'imparare*, заявлено как начальная точка действия *prendersi cura di se* и поэтому выступает как одновременное некоторому фрагменту этого второго, более общего и длительного действия, а также как предшествующее всем другим потенциальным действиям, которые могут входить в «заботу о себе».

Второе основание таксисного потенциала субстантивированного инфинитива заключается в том, что в самих его формах – напомним, что в итальянском языке существует два вида инфинитива, настоящего и прошедшего времени – присутствует скрытая аспектуальность. Рассмотрим этот момент подробнее.

Глагольная система современного итальянского языка обладает исключительно стройной и в определённом роде симметричной структурой. Она сложилась так, что в каждом наклонении, кроме повелительного, времена существуют парами – внутри парадигмы в каждой паре присутствует и простое время, т. е. синтетическая глагольная форма, состоящая из одного слова, и соответствующее ему составное время – аналитическая глагольная форма, состоящая из вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени. Составные времена передают значение завершённости действия. Так, условное наклонение в активном залоге (здесь и далее для примера взят глагол *cercare* – «искать») представлено простой формой *condizionale semplice* – *cercherei* – и составной формой *condizionale composto* – *avrei cercato*. Аналогичная дуальность характеризует все остальные пары глагольных времён. Данную симметричную систему можно наблюдать в виде схемы в любом справочнике по итальянской грамматике или учебном пособии [5, с. 125; 11].

Важно отметить, что обозначенная дуальность свойственна не только финитным глагольным формам, но и нефинитным – герундию и инфинитиву. Как герундий, так и инфинитив представлены в двух видо-временных разновидностях, построенных по тому же принципу: простые формы инфинитива и герундия настоящего времени (*cercare, cercando*) соседствуют со сложными (составными) формами включающими в себя вспомогательный глагол и причастие прошедшего времени (*avere cercato, avendo cercato*). Сложный инфинитив и герундий также передают, в силу такого строения, значение завершённости действия [9].

Причастия, которые также относятся к нефинитным формам глагола, наравне с другими формами отражают описанную выше дихотомию завершённости-незавершённости, так как причастие прошедшего времени выражает завершённость действия, а причастие настоящего времени не имеет такого значения.

Анализ глагольной системы итальянского языка позволяет прийти к выводу, что каждая из глагольных форм заведомо несёт в себе аспектуальное значение. Это важно с точки зрения исследования таксиса, поскольку, как отмечает А. В. Бондарко, таксисные отношения всегда включают в себя аспектуальность [2, с. 234–235]. Когда одна из форм в паре предикатов характеризует действие как завершённое, логически подразумевается, что оно было завершено относительно какой-либо точки на временной прямой, на которой расположены события в описываемой ситуации. Часто такой точкой оказывается второе из событий в паре, в связи с чем между этими событиями, обозначенными двумя предикатами, возникают таксисные отношения предшествования и следования.

Таким образом, присутствие в предложении в одном из предикатов составной глагольной формы практически всегда можно рассматривать как формальный признак наличия в этом предложении таксиса одновременности. Так как составные глагольные формы сами по себе обладают значением завершённости из-за присутствия в их структуре причастия прошедшего времени, зачастую одного наличия такой формы уже достаточно для возникновения таксисных отношений предшествования и следования, при этом предикат с составной глагольной формой будет обозначать предшествующее событие даже в отсутствие других языковых средств, выражающих значение предшествования – таких, как темпоральные предлоги и наречия.

Quello che è accaduto ... è la riprova del fatto che i problemi sui quali avevo cercato di intervenire, senza riuscirvi, sono rimasti gli stessi di allora / Произошедшее... вновь доказало факт, что проблемы, в решении которых я пытался вмешаться, притом безуспешно, остались всё те же [15].

...capii che ciò che avevo cercato per tutta la vita lo avevo avuto sotto gli occhi / ...я понял, что то, что я всю жизнь искал, было у меня перед глазами [15].

Из приведённых примеров видно, что таксисное значение предшествования передаётся исключительно употреблением составной

глагольной формы, без использования других способов передачи таксисных отношений.

К таким формам, как уже было сказано, относится и сложный инфинитив, также называемый инфинитивом прошедшего времени (что подчёркивает значение завершённости действия). Сложное аналитическое строение этой формы приводит к тому, что он чаще используется в письменной речи, в научном, деловом и юридическом функциональных стилях, хотя не исключено и его появление в других функциональных стилях и контекстах.

Даже в независимом употреблении сама форма субстантивированного сложного инфинитива несёт в себе значение предшествования:

*...l'Ufficio per la mediazione penale [...] si occupa di giustizia riparativa [...] promuovendo nei limiti del possibile la riparazione del danno, la riconciliazione tra le parti [...], la comprensione del dolore causato e **l'aver cercato il dialogo con uno dei familiari delle vittime** / ...Управление по вопросам уголовной медиации [...] занимается восстановительным правосудием [...], по мере возможности содействуя возмещению ущерба, примирению сторон [...], осознанию причинённой боли и тому, что было предпринято для установления диалога с одним из членов семьи пострадавших [13].*

Данный пример из энциклопедической статьи содержит распространённое «логическое существительное» с составным субстантивированным инфинитивом *l'aver cercato*, которое, с одной стороны, благодаря унаследованной от глагола способности инфинитива присоединять зависимые слова, даёт более детальное описание ситуации, а с другой стороны – на правах отглагольного существительного может быть частью перечисления в ряду других существительных. Взятый отдельно, вне эксплицитной синтаксической связи с другими событиями, инфинитив прошедшего времени вносит семантику завершённости. Читающему ясно, что речь идёт о действии, предшествующем рассмотрению этого действия названным управлением.

В целом к субстантивированному инфинитиву прошедшего времени применимы все те же способы актуализации таксисных значений, как и к инфинитиву настоящего времени, в том числе употребление с темпоральной лексикой и характерными предлогами, особенно с предлогом *in*, только речь идёт о таксисе предшествования:

La maturità di una persona consiste nell'aver trovato di nuovo la serenità che aveva da bambino, quando giocava / Зрелость человека состоит в том, чтобы вновь обрести то спокойствие, которое было у него во время игр, когда он был ещё ребёнком [14].

La peculiarità del progetto consiste nell'aver cercato di inserire l'arte, vettore di cultura, parallelamente alla realizzazione del nuovo quartiere / Особенность проекта состоит в том, что были сделаны попытки параллельно постройке нового квартала внести в проект искусство, культурный вектор [14].

Io potrei... chiudere la mia discussione con lui s'egli in un punto della sua lettera non accennasse anche ad una sua priorità, nell'aver trovato i rapporti fra i corpuscoli, di cui egli pretendeva di aver fatta la scoperta / Я бы мог... завершить дискуссию с ним, если бы он в одной из строк письма не упомянул о важном для себя деле, относящемся к обнаруженным им связям между корпускулами, которые он выдавал за своё открытие [14].

Во всех случаях употребления субстантивированного инфинитива прошедшего времени мы видим, что действие, выраженное им, обладает завершённостью на момент других событий внутри того же предложения, то есть имеет место таксисное отношение предшествования.

Субстантивированный инфинитив прошедшего времени употребляется реже, чем простой субстантивированный инфинитив, но тем не менее существует и используется в современном итальянском языке.

Заключение

Итальянский субстантивированный инфинитив представляет собой синкретическое образование, совмещающее в себе как глагольные, так и

субстантивные признаки, способное участвовать в различных синтаксических комбинациях при актуализации таксисных отношений.

В силу существования двух видов инфинитива – настоящего и прошедшего времени – эти формы изначально содержат в себе таксисный потенциал выражения отношения одновременности и разновременности (предшествования) соответственно.

В то же время, в сочетании с предлогами и специализированной темпоральной лексикой субстантивированный инфинитив настоящего времени может участвовать в актуализации всех видов таксисных отношений.

Список литературы:

1. Архипова И. В. Функциональная нагрузка девербативов в разноструктурных языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 4–12.
2. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-glagolnyh-kategoriy-v-sisteme-funktsionalnoy-grammatiki> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л., Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1987. 349 с. С. 234–242.
4. Горячкин А. Р. Итальянский глагол. Неличные формы. Инфинитив, причастие, герундий. М., Филоматис, 2014. 204 с.
5. Петрова Л. А. Практическая грамматика итальянского языка. М., Высшая школа, 1997. 239 с.
6. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учебное пособие к

спецкурсу. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 90 с.

7. Полянский С. М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск: 2001. № 2. С. 34–47. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (дата обращения: 30.11.2025).

8. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М.: Знак, 2009. 912 с.

9. Egerland V., Simone R. Infinito sostantivato / Enciclopedia dell'italiano, 2011. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/infinito-sostantivato_%28Enciclopedia-dell%27Italiano%29/ (дата обращения: 30.11.2025).

10. Szilagyi I. L'infinito preceduto da un determinante in italiano // Cuadernos de Filología Italiana, 2008. vol. 15. 31–44.

11. Tartaglione R. Grammatica italiana. Firenze, Alma Edizioni, 2003. 64 p.

Список источников иллюстративного материала:

12. Donna Moderna. URL: <https://donnamoderna.it> (дата обращения: 30.11.2025).

13. Enciclopedia Treccani. URL: <https://treccani.it> (дата обращения: 30.11.2025).

14. Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 30.11.2025).

15. SKELL. URL: <https://www.sketchengine.eu/skell/> (дата обращения: 30.11.2025).

16. Unità. URL: <https://unita.it> (дата обращения: 30.11.2025).

References:

1. Arkhipova I. V. Funktsional'naya nagruzka deverbativov v raznostrukturnykh yazykakh // Evrazijskij humanitarnyj zhurnal. 2020. № 3. S. 4–12.
2. Bondarko A. V. Analiz glagol'nykh kategorij v sisteme funktsional'noj grammatiki // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-glagolnyh-kategoriy-v-sisteme-funktsionalnoy-grammatiki> (data obrashcheniya: 03.12.2025).
3. Bondarko A. V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa // Teoriya funktsional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis. L., Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otделение, 1987. 349 s. S. 234–242.
4. Goryachkin A. R. Ital'yanskij glagol. Nelichnye formy. Infinitiv, prichastie, gerundij. M., Filomatis, 2014. 204 s.
5. Petrova L. A. Prakticheskaya grammatika ital'yanskogo yazyka. M., Vysshaya shkola, 1997. 239 s.
6. Polyanskij S. M. Osnovy funktsional'no-semanticheskogo analiza kategorii taksisa (na materiale nemetskogo yazyka): Uchebnoe posobie k spetskursu. Novosibirsk: Izd-vo «Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 1990. 90 s.
7. Polyanskij S. M. Taksis – otnositel'noe vremya – evidentsial'-nost' (k probleme kriteriev razgranicheniya) // Sibirskij lingvisticheskiy seminar. Novosibirsk: 2001. № 2. S. 34–47. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> (data obrashcheniya: 30.11.2025).
8. Tipologiya taksisnykh konstruktsij / Otv. red. B. C. Khrakovskij. M.: Znack, 2009. 912 s.
9. Egerland V., Simone R. Infinito sostantivato / Enciclopedia dell'italiano, 2011. URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/infinito->

sostantivato_%28Enciclopedia-dell%27Italiano%29/ (data obrashcheniya: 30.11.2025).

10. Szilagyi I. L'infinito preceduto da un determinante in italiano // Cuadernos de Filología Italiana, 2008. vol. 15. 31–44.

11. Tartaglione R. Grammatica italiana. Firenze, Alma Edizioni, 2003. 64 p.

Spisok istochnikov illyustrativnogo materiala:

12. Donna Moderna. URL: <https://donnamoderna.it> (data obrashcheniya: 30.11.2025).

13. Enciclopedia Treccani. URL: <https://treccani.it> (data obrashcheniya: 30.11.2025).

14. Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (data obrashcheniya: 30.11.2025).

15. SKELL. URL: <https://www.sketchengine.eu/skell/> (data obrashcheniya: 30.11.2025).

16. Unità. URL: <https://unita.it> (data obrashcheniya: 30.11.2025).

Информация об авторе:

М. Ю. Ивонина – преподаватель, Пермский государственный научно-исследовательский университет

Information about the author:

M. Y. Ivonina – teacher, Perm State National Research University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 14.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 05.12.2025; approved after reviewing 14.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 5.9.8

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКО-КОМПЬЮТЕРНОЙ ДИАЛОГИКИ: СТРУКТУРА ТЕРМИНОПОЛЯ *КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОМОЩНИК*

Татьяна Анатольевна Куделько

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

pray-1977@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена ономасиологическому анализу терминологии человеко-компьютерной диалогии (ЧКД) в рамках терминопольа «компьютерный помощник». Цель исследования – выявление когнитивных механизмов и моделей номинации, лежащих в основе формирования данной терминосистемы. Методология включает ономасиологический и полевой подходы, а также компонентный анализ. В работе систематизированы ключевые ономасиологические признаки (функциональный, технологический, интерфейсный, антропоморфный), определяющие видовую дифференциацию терминов. Подробно рассмотрены модели предикации, связывающей базис номинации с дифференцирующими признаками: атрибутивная, композитная, метонимическая связи, а также явление антономазии и аббревиации. На основе выделенных моделей предложена классификация терминов на четыре группы: с имплицитным базисом, с выраженным родовым понятием, со сложной предикацией и однословные интернационализмы. Установлено, что терминосистема ЧКД характеризуется доминированием функционального

признака, высокой степенью метонимии и одновременным сосуществованием тенденций к формализации и антропоморфизации номинаций. Научная новизна заключается в комплексном моделировании процессов номинации в быстроразвивающейся терминосистеме. Результаты исследования могут быть применены в терминологической лексикографии, теории номинации и при подготовке специалистов в области компьютерной лингвистики.

Ключевые слова: ономасиологический анализ, человеко-компьютерная диалогика, терминопole, компьютерный помощник, номинация, когнитивные механизмы, метонимия, терминообразование

Для цитирования: Куделько Т. А. Ономасиологический анализ терминологии человеческо-компьютерной диалогии: структура терминопole компьютерный помощник // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 53–65.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 5.9.8

ONOMASIOLOGICAL ANALYSIS OF HUMAN-COMPUTER DIALOGUE TERMINOLOGY: THE STRUCTURE OF *THE COMPUTER ASSISTANT* TERMINOLOGICAL FIELD

Tatiana A. Kudelko

Perm State National Research University, Perm, Russia

pray-1977@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the onomasiological analysis of human-computer dialogue (HCD) terminology within the terminological field of «computer

assistant». The aim of the study is to identify the cognitive mechanisms and nomination models underlying the formation of this term system. The methodology includes onomasiological and field approaches, as well as componential analysis. The paper systematizes key onomasiological features (functional, technological, interface, anthropomorphic) that determine the specific differentiation of terms. The models of predication linking the basis of the nomination with differentiating features are considered in detail: attributive, composite, metonymic connections, as well as the phenomenon of antonomasia and abbreviation. Based on the identified models, a classification of terms into four groups is proposed: with an implicit basis, with an expressed generic concept, with complex predication, and one-word internationalisms. It is established that the HCD term system is characterized by the dominance of the functional feature, a high degree of metonymy, and the simultaneous coexistence of trends towards formalization and anthropomorphization of nominations. The scientific novelty lies in the comprehensive modeling of nomination processes in a rapidly developing term system. The research results can be applied in terminological lexicography, the theory of nomination, and in the training of specialists in computational linguistics.

Keywords: onomasiological analysis, human-computer dialogue, terminological field, computer assistant, nomination, cognitive mechanisms, metonymy, term formation

For citation: Kudelko T. A. Onomasiological analysis of human-computer dialogue terminology: the structure of *the computer assistant* terminological field // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 53–65. (In Russ.).

Введение

Современная компьютерная лингвистика и смежные с ней дисциплины характеризуются интенсивным формированием новых терминосистем, отражающих rapid development технологий. Одной из таких динамичных систем является терминология человеко-компьютерной диалогии (ЧКД), находящаяся

на стыке лингвистики, информатики и искусственного интеллекта [1]. Центральным концептом данной области выступает «компьютерный помощник», вокруг которого формируется обширное терминопole.

Изучение терминологии ЧКД традиционно проводится в рамках терминоведения и когнитивной лингвистики [2; 3]. Однако, несмотря на значительное количество работ, посвящённых классификации и систематизации компьютерной лексики, ономаσιологический аспект формирования терминов ЧКИ остаётся недостаточно исследованным. Ономаσιологический подход, предполагающий движение от понятия к его наименованию, позволяет вскрыть когнитивные механизмы категоризации действительности и выявить системные отношения внутри терминологического поля [4].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного описания процессов номинации в терминосистеме ЧКД, которая продолжает активно развиваться под влиянием технологических инноваций. Научная новизна заключается в применении ономаσιологического подхода для моделирования структуры терминопole «компьютерный помощник» и выявления специфических когнитивных моделей, определяющих выбор средств номинации.

Целью исследования является ономаσιологический анализ терминологии ЧКД и моделирование структуры терминопole «компьютерный помощник». Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Определить базис номинации и ключевые ономаσιологические признаки терминов ЧКД.
2. Систематизировать модели предикации, связывающие базис с дифференцирующими признаками.
3. Разработать классификацию терминов на основе выявленных ономаσιологических моделей.

4. Выявить когнитивные механизмы, лежащие в основе номинационных процессов в терминосистеме ЧКД.

Исследовательские результаты и их интерпретация

1. Базис номинации и система ономаσιологических признаков

В основе ономаσιологического анализа лежит понятие *базиса номинации* – родового понятия, которое служит исходной точкой для создания видовых терминов [5]. В рамках исследуемого терминопольа таким базисом выступает концепт «компьютерный помощник / программный агент, обеспечивающий взаимодействие». Данное понятие интегрирует в себя семантические компоненты 'автоматизированность', 'функциональность', 'взаимодействие' и 'сервисная ориентация'.

Дифференциаторы или *ономаσιологические признаки* – это характеристики, которые позволяют создавать видовые термины внутри базового понятия. В терминосистеме ЧКД выделяется несколько системообразующих типов признаков, представленных в таблице 1.

Как демонстрирует таблица 1, функциональный признак является наиболее продуктивным в терминосистеме ЧКД, что отражает прикладную, утилитарную природу данной области знания. Технологический признак приобретает особую значимость в последние годы в связи с бурным развитием методов искусственного интеллекта.

2. Модели предикации в терминообразовании

Предикация в ономаσιологии понимается как установление связи между базисом номинации и дифференцирующим признаком [6]. В терминосистеме ЧКД функционируют несколько типов предикационных моделей.

2.1. Прямая атрибутивная связь

Данная модель представляет собой соединение признака с базисом по схеме «Признак + Базис» и является наиболее частотной в английской и русской терминологии ЧКД:

- *Intelligent* (признак) + *system* (базис) = *intelligent system*

- *Adaptive* (признак) + *interface* (базис) = *adaptive interface*
- *Когнитивный* (признак) + *помощник* (базис) = *когнитивный помощник*

Таблица 1.

Система ономаσιологических признаков в терминопле
«компьютерный помощник»

Тип признака	Содержательная характеристика	Примеры терминов
Функциональный	Определяет основную функцию или задачу помощника	<i>conversational agent, recommendation engine, navigation aide, translation bot, scheduling assistant</i>
Технологический	Указывает на технологию или метод реализации	<i>machine learning model, rule-based system, generative AI, quantum computing assistant, blockchain agent</i>
Интерфейсный	Характеризует канал или способ взаимодействия	<i>multimodal interface, haptic feedback system, gesture control assistant, augmented reality guide, brain-computer interface</i>
Антропоморфный/социальный	Наделяет помощника человеко-подобными качествами	<i>digital companion, empathetic agent, cognitive assistant, synthetic persona, robotic aide</i>
Средовой	Определяет контекст или область применения	<i>enterprise chatbot, educational tutor, healthcare advisor, smart home manager, automotive co-pilot</i>

2.2. Сложная композитная связь

Эта модель характерна для терминов, обозначающих комплексные понятия, и включает несколько признаков, уточняющих базис:

- *Natural* (признак 1) + *language* (признак 2) + *generation* (базис) = *natural language generation*
- *Automatic* (признак 1) + *speech* (признак 2) + *recognition* (базис) = *automatic speech recognition*
- *Многоуровневая* (признак 1) + *диалоговая* (признак 2) + *система* (базис) = *многоуровневая диалоговая система*

2.3. Метонимическая связь

Метонимия в терминологии ЧКД проявляется в использовании названия функции вместо обозначения всей системы – распространённый признак специализированного дискурса:

- *Search* (функция) вместо *search algorithm/agent* (система)
- *Recommendation* (функция) вместо *recommendation system*
- *Translation* (функция) вместо *machine translation system*

2.4. Антономазия (имя собственное вместо типа)

Уникальной особенностью терминосистемы ЧКД является активное использование антономазии, когда имена собственные коммерческих продуктов становятся нарицательными обозначениями типа помощников:

- *Siri, Alexa, Cortana* → обозначение типа «голосовой помощник»
- *ChatGPT* → обозначение генеративных языковых моделей
- *Google Assistant* → обобщённое обозначение поисковых

помощников

2.5. Аббревиация и акронимия

Данная модель представляет собой крайнюю формализацию номинации, характерную для профессионального дискурса:

- *AI* (Artificial Intelligence)
- *NLP* (Natural Language Processing)
- *TTS* (Text-to-Speech)
- *IVR* (Interactive Voice Response)
- *GUI* (Graphical User Interface)
- *VUI* (Voice User Interface)

3. Классификация терминов по ономаσιологическим моделям

На основе выявленных моделей предикации предлагается классификация терминов ЧКД на четыре группы, каждая из которых характеризуется специфическими когнитивными механизмами номинации (таблица 2).

Анализ представленной классификации позволяет выявить важные закономерности терминообразования в сфере ЧКД. Термины Группы 1

демонстрируют высокую степень конвенциональности профессионального дискурса, где название функции становится достаточным для идентификации системы. Термины Группы 2 отражают процесс категоризации и систематизации знаний в данной области. Сложные композитные термины Группы 3 свидетельствуют о необходимости точного обозначения узкоспециализированных концептов. Термины-интернационализмы Группы 4 отражают процесс заимствования готовых номинаций из смежных областей (кибернетика, научная фантастика).

Таблица 2.

Классификация терминов ЧКД по ономаσιологическим моделям

Группа	Характеристика	Когнитивный механизм	Примеры терминов
Группа 1 Термины с имплицитным базисом	Базис «помощник/агент/система» не выражен, подразумевается	Метонимия (функция/технология → система)	<i>Recommender, Scheduler, Navigator, Translator, Analyzer, Predictor, Moderator</i>
Группа 2 Базис выражен родовым понятием	Прямое соединение базиса с характеризующим признаком	Атрибутивная номинация, категоризация	<i>Decision support system, Knowledge management system, Intelligent tutoring system, Collaborative filtering agent</i>
Группа 3 Сложная предикация	Многокомпонентные термины с несколькими уточняющими признаками	Композитная номинация, концептуальный синтез	<i>Context-aware computing system, Emotion recognition interface, Predictive analytics engine, Self-learning algorithm</i>
Группа 4 Однословные термины-интернационализмы	Заимствованные номинации с целостной семантикой	Заимствование, семантическая редукция	<i>Avatar, Bot, Cyborg, Android, Hologram, Drone, Robot</i>

4. Когнитивные особенности номинации в терминосистеме ЧКД

Проведённый ономаσιологический анализ позволяет выявить ключевые когнитивные особенности номинационных процессов в терминосистеме ЧКД.

4.1. Доминирование функционального признака

В терминологии ЧКД ведущую роль играет функциональный аспект, что отражает прагматическую ориентацию данной области. Такие признаки, как *chat-*, *search-*, *recommend-*, *translate-*, являются наиболее продуктивными при создании новых терминов. Это соответствует общей тенденции технических терминосистем к функциональной мотивации [7].

4.2. Высокая степень метонимии

Профессиональное сообщество активно использует сокращённые номинации, где название функции замещает название всей системы. Это проявляется не только в лексической метонимии (*search* вместо *search system*), но и в синтаксической – использовании глаголов, имплицитующих наличие помощника: *The system recommends...* вместо *The recommendation system suggests...* Данная особенность является признаком зрелости и специализированности дискурса [8].

4.3. Динамическое равновесие между формализацией и антропоморфизацией

В терминосистеме ЧКД наблюдается одновременное сосуществование двух противоположных тенденций. С одной стороны, присутствует стремление к точным, формализованным композитным терминам (*multi-layer neural network architecture*). С другой стороны, заметна тенденция к антропоморфным (*assistant*, *companion*, *aide*) и метафорическим (*cloud*, *neural*, *intelligent*) номинациям, облегчающим восприятие сложных концептов непрофессиональной аудиторией. Это противоречие отражает двойственную природу ЧКД как технической и социальной системы [9].

4.4. Влияние технологического детерминизма на номинацию

Быстрое технологическое развитие обуславливает высокую скорость обновления терминологии. Появление новых технологий (*blockchain*, *quantum computing*, *neuromorphic chips*) немедленно порождает новые термины (*blockchain-based assistant*, *quantum computing aide*), которые могут быстро

архаизироваться. Это создаёт challenges для терминологической стандартизации и требует постоянного мониторинга терминологических инноваций.

Заключение

Проведённое ономаσιологическое исследование терминологии человеко-компьютерной диалогии в рамках терминополья «компьютерный помощник» позволило выявить системные закономерности процессов номинации в данной области.

Установлено, что терминосистема ЧКД характеризуется сложной полевой организацией с ядерным концептом «компьютерный помощник» и разветвлённой периферией, структурированной по ономаσιологическим признакам. Наиболее продуктивными являются функциональный и технологический признаки, что отражает прикладной характер данной сферы знания.

Систематизация моделей предикации показала доминирование атрибутивных и композитных моделей, а также значительную роль метонимических переносов и антономазии в терминообразовании. Предложенная классификация терминов на четыре группы демонстрирует разнообразие когнитивных механизмов номинации – от метонимии и категоризации до концептуального синтеза и заимствования.

Выявленные особенности терминосистемы ЧКД – доминирование функционального признака, высокая степень метонимии, сосуществование тенденций к формализации и антропоморфизации – подтверждают её гибридный характер, находящийся на пересечении технического и гуманитарного знания.

Полученные результаты имеют практическую значимость для терминологической лексикографии, теории номинации и могут быть использованы при создании специализированных словарей и разработке учебных курсов по компьютерной лингвистике. Перспективным направлением

дальнейших исследований представляется сравнительный анализ терминосистем ЧКД в разных языках, а также изучение влияния культурных факторов на выбор номинационных стратегий.

Список литературы:

1. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
2. Комлева И. Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). Москва, 2006. 21 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004 (ППП Тип. Наука). 555 с.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛЕНАНД, 2022. 248 с.
5. Резинкин А. Ю. Когнитивные подходы к изучению метонимии // МНКО. 2011. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-podhody-k-izucheniyu-metonimii> (дата обращения: 09.10.2025).
6. Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина. М-во образования и науки Российской Федерации, Самарский гос. технический ун-т. Москва: URSS, 2013. 114 с.
7. Соснин А. В., Валюх Н. В. Человеко-компьютерное взаимодействие: учеб. пособие. Ульяновск: УГТУ, 2020. 119 с.
8. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. / отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012. 243 [3] с.
9. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.]; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 174 с.

10. Clark A., Fox C., Lappin S. (Eds.) The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. John Wiley & Sons, 2013. 802 p.
11. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 3rd ed. Harlow: Pearson Education, 2014. 948 p.
12. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence Author(s) // Oxford University Press on behalf of the Mind Association Stable, 1950. Vol. 59, № 236. Pp. 433–460. URL: <http://www.jstor.org/stable/2251299> (дата обращения 25.09.2025).

References:

1. Grinev-Grinevich S. V. Vvedenie v terminovedenie. M.: Izd. centr «Akademiya», 2008. 304 s.
2. Komleva I. L. Principy` formirovaniya russkoj komp`yuternoj terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ros. un-t druzhby` narodov (RUDN). Moskva, 2006. 21 s.
3. Kubryakova E. S. Yazy`k i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazy`ke: chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol` yazy`ka v poznanii mira. M.: Yaz. slavyan. kul`tury`, 2004 (PPP Tip. Nauka). 555 s.
4. Lejchik V. M. Terminovedenie: predmet, metody`, struktura. M.: LENAND, 2022. 248 s.
5. Rezinkin A. Yu. Kognitivny`e podxody` k izucheniyu metonimii // MNKO. 2011. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-podhody-k-izucheniyu-metonimii> (data obrashheniya: 09.10.2025).
6. Slozhenikina Yu. V. Osnovy` terminologii: lingvisticheskie aspekty` teorii termina. M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Samarskij gos. texnicheskij un-t. Moskva: URSS, 2013. 114 s.
7. Sosnin A. V., Valyux N. V. Cheloveko-komp`yuternoe vzaimodejstvie: ucheb. posobie. Ul`yanovsk: UGTU, 2020. 119 s.

8. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. Obshhaya terminologiya: voprosy` teorii. / otv. red. T. L. Kandelaki. Izd. 6-e. M.: URSS, 2012. 243 [3] s.
9. Teliya V. N. Metafora v yazy`ke i tekste / [V. G. Gak, V. N. Teliya, E. M. Vol'f i dr.]; otv. red. V. N. Teliya; AN SSSR, In-t yazy`koznaniya. M.: Nauka, 1988. 174 s.
10. Clark A., Fox C., Lappin S. (Eds.) The Handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing. John Wiley & Sons, 2013. 802 p.
11. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. 3rd ed. Harlow: Pearson Education, 2014. 948 p.
12. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence Author(s) // Oxford University Press on behalf of the Mind Association Stable, 1950. Vol. 59, № 236. Pp. 433–460. URL: <http://www.jstor.org/stable/2251299> (data obrashheniya 25.09.2025).

Информация об авторе:

Т. А. Куделько – старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the author:

T. A. Kudelko – Senior lecturer, Perm State National Research University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 09.10.2025; approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81.36

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА *ТРЕВОЖИТЬ*

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова^{2✉}

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

¹lisaveet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен дефиниционный анализ глагола *тревожить* как репрезентативного эмотивного каузатива русского языка. Исследование выполнено на основе десяти авторитетных лексикографических источников, включая толковые, исторические и этимологические словари, что обеспечило репрезентативность и диахронический охват материала. Основной целью работы является выявление и систематизация семантического потенциала глагола, установление степени смысловой близости ключевых синонимов с использованием количественных методов. Методология исследования сочетает качественный и количественный подходы. Качественный компонентный анализ позволил выделить интегральные семы (элементарные смысловые компоненты) и распределить их по зонам ядра и периферии. Количественный метод, заключающийся в вычислении индекса синонимичности (ISyn), был применён для объективного определения ядра и периферии синонимического ряда, полученного из десяти лексикографических источников. В результате дефиниционного анализа установлено, что семантическое поле глагола формируется двумя

инвариантными, ядерными значениями: 1) «приводить в состояние тревоги (эмотивное воздействие)» и 2) «нарушать покой, мешать (социальное беспокойство)». Эти семы зафиксированы во всех рассмотренных словарях, что свидетельствует об их устойчивости. Периферийные зоны включают семы, связанные с причинением физического дискомфорта (ближняя периферия) и интенсивного психического раздражения (дальняя периферия). В ходе синонимического анализа вычисления показали, что доминирующим и наиболее универсальным синонимом, образующим ядро ряда, является глагол *беспокоить* (ISyn = 0,1075). Глагол *волновать* (ISyn = 0,0489) занимает позицию ближней периферии, актуализируя преимущественно эмотивный аспект. Лексемы *смущать*, *нарушать покой*, *мучить* и другие формируют дальнейшую периферию, уточняя различные оттенки каузации беспокойства. Полученные результаты вносят вклад в изучение функционально-семантической категории эмотивной каузативности.

Ключевые слова: функциональная грамматика, дефиниционный анализ, тревожить, глагол, эмотивный каузатив, каузация

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Дефиниционный анализ глагола *тревожить* // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 66–83.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81.36

DEFINITIONAL ANALYSIS OF THE VERB *ТРЕВОЖИТЬ*

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova^{2✉}

Abstract. The article presents a definitional analysis of the verb *тревожить* as a representative Russian emotive causative. The research is based on ten authoritative lexicographic sources, including explanatory, historical, and etymological dictionaries, which ensured representativeness and a diachronic scope of the material. The primary goal of the work is to identify and systematize the verb's semantic potential and to establish the degree of semantic proximity of its key synonyms using quantitative methods. The research methodology combines qualitative and quantitative approaches. Qualitative componential analysis made it possible to identify integral semes (elementary semantic components) and distribute them into core and peripheral zones. A quantitative method, involving the calculation of the Synonymy Index (ISyn), was applied to objectively determine the core and periphery of the synonymic series obtained from ten lexicographic sources. The definitional analysis established that the verb's semantic field is formed by two invariant, core meanings: 1) to bring into a state of anxiety (emotive impact) and 2) to disturb peace, to bother (social disturbance). These semes are recorded in all considered dictionaries, which attests to their stability. Peripheral zones include semes related to causing physical discomfort (near periphery) and intense mental irritation (far periphery). During the synonymic analysis, calculations showed that the dominant and most universal synonym forming the core of the series is the verb *беспокоить* (ISyn = 0.1075). The verb *волновать* (ISyn = 0.0489) occupies the position of near periphery, primarily actualizing the emotive aspect. Lexemes such as *смущать, нарушать покой, мучить*, and others form the far periphery, specifying various nuances of causing anxiety. The obtained results contribute to the study of the functional-semantic category of emotive causativity.

Keywords: functional grammar, definitional analysis, тревожить, verb, emotive causative, causation

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V. Definitional analysis of the verb *ТРЕВОЖИТЬ* // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 66–83. (In Russ.).

Введение

Дефиниционный анализ эмотивного каузатива был выполнен на основе следующих лексикографических источников: Малого академического словаря А. П. Евгеньевой (далее МАС), Толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова (далее ТСРЯ-У), Словаря многих выражений (далее СМВ), Словаря современного русского литературного языка (далее ССРЛЯ), Толкового словаря Т. Ф. Ефремовой (ТС-Е), Толкового словаря русского языка Д. В. Дмитриева (ТСРЯ-Д), Толкового словаря С. И. Ожегова (ТС-О), Толкового словарь А. С. Пушкина (ТС-П), Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля (ТСЖЯ-Д), Этимологического словаря современного русского языка (ЭССРЯ). Всего было проанализировано 10 дефиниций слова *тревожить* в различных лексикографических источниках.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Как отмечает Л. М. Васильев, выделение эмотивных каузативов подчиняется определённым критериям, которые могут использоваться как в полном наборе, так и выборочно. В их числе: общность семантики, понимаемая как единство компонентного состава (Причина + эмоциональное состояние субъекта); возможность толкования через перифразы с каузативными глаголами-компенсаторами (приводить/привести, повергать/повергнуть); наличие соотносительного возвратного глагола, или конверсива (смущать – смущаться); существование соотносительной субстантивной синтаксемы с предложным управлением (смущать – быть в смущении); а также наличие соотносительного предикатива на -о (обижать – обидно) [2, с. 75–122].

В рамках данного исследования предметом анализа выступает глагол *тревожить*, являющийся классическим представителем группы эмотивных каузативов. Его отнесение к этому разряду подтверждается полным соответствием приведённым выше критериям.

Во-первых, семантика глагола *тревожить* обладает требуемой компонентной структурой: он выражает отношение каузации, где действие направлено на вызывание у субъекта определённого эмоционального состояния – в данном случае, тревоги, беспокойства или нервного напряжения. Во-вторых, его значение успешно раскрывается через конструкции с каузативными глаголами – компенсаторами. Это находит наглядное выражение в примерах: *Её поведение приводило его в тревогу* или *Новости повергли город в тревогу*. В-третьих, системным подтверждением его каузативной природы служит наличие соотносительного возвратного глагола (конверсива) *тревожиться*, который обозначает испытываемое субъектом состояние: *Она тревожилась о детях*. В-четвёртых, эмоция, причиняемая каузативом, выражается в виде субстантивной синтаксемы с предложным управлением *быть в тревоге*. Наконец, в-пятых, состояние находит своё выражение в соотносительном предикативе на -о: *Мне было тревожно слушать его*.

В указанных словарях были выявлены следующие значения глагола:

I. Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС):

1. (сов. встревожить). Приводить в состояние тревоги, беспокойства, волнения. Например: *[Штольца] тревожило более всего здоровье Ольги. И. Гончаров, Обломов*. 2. Нарушать покой, спокойствие кого-, чего-л. Например: *Разъезды его [Пугачева] не переставали тревожить город. Пушкин, История Пугачева*. 3. Нарушать, прерывать что-л. Например: *Гулко раздавался по временам сильный стук. Это Яшка тревожил чуткую тишину коридора. Короленко, Яшка*. 4. Причинять боль, неудобство; беспокоить. Например: *Роднева начало тревожить старое ранение*. 5. (сов., потревожить). Нарушать обычное положение, состояние; трогать. Например: *Тревожить больную ногу*.

II. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (ТСРЯ-У):

1. Внушать тревогу, приводить в состояние тревоги, волнения, беспокойства. Например: *Меня тревожит отсутствие писем от друга. По смутном сне безделица тревожит. Грибоедов.*
2. (сов. потревожить) кого-что. Мешать кому-чему-н., отнимать у кого-н. покой, время. Например: *Британской музы небылицы тревожат сон отроковицы. Пушкин.*
3. (сов. растревожить) кого-что. Раздражать, лишать спокойствия, заставлять нервничать. Например: *Его тревожат всякие слухи, толки, сплетни.*
4. Берeditь, растравлять. Например: *Тревожить рану.*

III. Словарь многих выражений (СМВ):

1. Приводить в состояние тревоги, волнения. Например: *Меня тревожит Ваше здоровье. Тревожит отсутствие писем.*
2. Причинять беспокойство, боль, неудобство, беспокоить. Например: *тревожить спящего. Тревожить больного.*
3. Нарушать обычное положение, состояние, трогать. Например: *Тревожить больную ногу.*

IV. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ):

1. Внушать тревогу, опасения; приводить в состояние беспокойства, тревоги. Например: *Николай не возражал против отцовских увещаний, но и согласия не заявлял. Он продолжал скучать, жить особняком и тревожить родительские сердца.*
2. Нарушать чей-либо покой, спокойное или обычное состояние; причинять беспокойство, мешать. Например: *Пьера не тревожили, и он целый день проводил один наверху в своей комнате.*

V. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой (ТС-Е):

1. Внушать тревогу, приводить в состояние тревоги, волнения, беспокойства.
2. Отнимать покой, причинять беспокойство, заставлять нервничать.
3. Причинять боль, физическое неудобство, нарушая обычное положение; беспокоить, мешать.

VI. Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева (ТСРЯ-Д):

1. Когда кто-либо или что-либо тревожит кого-либо, значит, этот человек, факт, обстоятельство и т. п. заставляет кого-либо сильно беспокоиться, думать. Например: *Меня тревожит здоровье сына. Родителей тревожит отсутствие писем от сына.* 2. Если кто-либо тревожит кого-либо, то это означает, что этот человек своими действиями причиняет кому-либо неудобство, мешает ему заниматься своими делами. Например: *тревожить кого-либо частыми звонками. Тревожить кого-либо внезапными приходами.* 3. Если кто-либо, что-либо тревожит рану, то это означает, что какой-то человек делает движения, которые вызывают у него болезненные ощущения в месте повреждения тканей, а также то, что кто-либо расстраивает кого-либо нежелательными воспоминаниями. Например: *Тревожить старое ранение. Все годы после войны в доме не принято было заговаривать о судьбе старшего сына, чтобы не тревожить рану.*

VII. Толковый словарь С. И. Ожегова (ТС-О):

1. Приводить в состояние тревоги, волнения. Например: *тревожит отсутствие писем. Состояние больного тревожит врачей.* 2. Мешать кому-н., беспокоить. Например: *Весь день тревожат посетители.*

VIII. Толковый словарь А. С. Пушкина (ТС-П):

1. Вызывать тревогу, приводить в состояние тревоги, волнения, беспокойства. Например: *Её тревожит сновиденье.* 2. Нарушать чей-н. покой, доставлять беспокойство, неудобство. Например: *В прежние годы, когда бедой отчеству грозило, Отшельники на битву сами шли – Но не хотим тревожить ныне их.* 3. Нарушать, прерывать что-н., мешать нормальному течению чего-н. Например: *Мой голос для тебя и ласковый и томный Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.*

IX. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (ТСЖЯ-Д):

1. Волновать; нарушать покой. Например: *Меня тревожит, что вестей нет от сына.* 2. Беспокоить, заботиться, опасаться чего-то. Например: *Он по всяком человеке боится и тревожится.*

Х. Этимологический словарь современного русского языка (ЭССРЯ):

1. Приводить в состояние тревоги, волнения: мешать кому-л., беспокоить; сврш. встревожить и потревожить.

Таблица 1.

**Семантический потенциал глагола тревожить
(по данным лексикографических источников)**

Слова Сема	МАС	ТСРЯ-У	СМВ	ССРЯ	ТС-Е	ТСРЯ-Д	ТС-О	ТС-П	ТСЖА-Д	ЭССРЯ
Приводить в состояние тревоги (эмотивное воздействие)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Нарушать покой, мешать (социальное беспокойство)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Причинять боль, неудобство (физическое воздействие)	+	+	+	—	+	+	—	—	—	—
Раздражать, лишать спокойствия (психическое воздействие)	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—

По данным таблицы, семы: приводить в состояние тревоги (эмотивное воздействие) и нарушать покой, мешать (социальное беспокойство) являются смысловым ядром глагола. Обе семы зафиксированы во всех десяти проанализированных источниках, включая исторический и этимологический словари, что свидетельствует об их абсолютной укоренённости, устойчивости и восприятии как базового инварианта значения. Сема ближней периферии: причинять боль, неудобство (физическое воздействие) находится в зоне

ближней периферии. Она зафиксирована в пяти лексикографических источниках. Её отсутствие в других словарях позволяет сделать вывод, что данное значение часто воспринимается как частный, контекстно обусловленный случай. Сема дальней периферии: раздражать, лишать спокойствия (психическое воздействие) является семой дальней периферии, так как она отмечена единственный раз в Толковом словаре Д. Н. Ушакова.

Глагол тревожить вызывает ассоциации с такими словами как *волновать, раздражать, беспокоить, будить, настораживать, покоить, огорчать, возмущать, угнетать, смущать, пугать, сон, предчувствие, совесть, неизвестность, угрызение, беспокойство* [sinonim.org].

Синонимический ряд рассматриваемой глагольной лексемы был составлен при помощи следующих источников: Онлайн-словаря русских синонимов (далее ОСРС), Словаря синонимов и антонимов современного русского языка (ССАСРЯ), Словаря синонимов русского языка (ССРЯ), ресурса Карта слов (КС), портала «Грамота.ру» (ГР), Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений (СРСССВ), Словаря русских синонимов «Контекст 5.0» (СРСК), Словаря синонимов «Sinonim.su» (CCS), Словаря Reverso (CR), Словаря синонимов «Synonym.one» (CCSO)

Глагол тревожить имеет следующий ряд синонимов: *беспокоить* [ОСРС; ССАСРЯ; ССРЯ; КС; ГР; СРСССВ; Контекст 5.0; Sinonim.su; CR; CCSO]; *волновать* [ОСРС; ССАСРЯ; ССРЯ; КС; ГР; СРСССВ; Контекст 5.0; Sinonim.su; CR]; *смущать* [ОСРС; ССАСРЯ; ССРЯ; КС; Контекст 5.0; Sinonim.su; CCSO]; *нарушать покой* [ОСРС; ССАСРЯ; ГР; СРСССВ; Контекст 5.0; Sinonim.su]; *трогать, мучить, грызть, шевелить* [ОСРС; ССРЯ; ГР; СРСССВ; Sinonim.su]; *заботить* [ОСРС; ССАСРЯ; ССРЯ; Контекст 5.0]; *докучать, надоедать, расстраивать, пугать* [КС; CR; CCSO]; *лишать покоя* [ОСРС; ССАСРЯ; Контекст 5.0]; *будоражить* [ССАСРЯ; ССРЯ; КС]; *бояться, смутить, напугать* [КС; CCSO]; *выводить из равновесия, не давать покоя, приводить в смятение* [ССАСРЯ; Контекст 5.0]; *мешать, доставать* [ССРЯ;

CR]; *вызывать тревогу* [ОСРС; ССАСРЯ]; *напрягать* [ССРЯ; CR]; *настораживать* [ССРЯ; КС]; *обеспокоить* [КС; СССО]; *заводить, взбудораживать, полошить, мутить, поднимать на ноги, баламутить* [ССАСРЯ]; *неясный, смутный, затрагивать, необъяснимый, сжигать, скрести, сверлить* [ССРЯ]; *встревожить* [ОСРС]; *удивлять, досаждать, нервировать, злить* [КС]; *беспокоиться, побеспокоить, отвлекать, утруждать, волноваться, переживать* [CR]; *похожий, будить, запугивать, испугать* [СССО].

Для вычисления степени синонимичности были отобраны наиболее частотные глагольные лексемы, зафиксированные в четырёх и более словарях. Использовалась формула:

$$ISyn = 1 / (\sum (N / QD)),$$

Где: ISyn – степень синонимичности лексемы; N – порядковый номер лексемы в списке синонимов каждого словаря; QD – общее количество использованных словарей; $\sum (N / QD)$ – сумма долей порядковых номеров во всех словарях. Если лексема отсутствовала, для расчётов принималось значение $N_{max} + 1$, где N_{max} – максимальное число во всей таблице. Чем ближе показатель ISyn к 1, тем выше степень смысловой близости лексемы к глаголу тревожить. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Ядро синонимического ряда образует лексема *беспокоить*. Она обладает высокой степенью синонимичности ($ISyn = 0,1075$), значительно превышающей показателя других слов. Это единственная лексема, зафиксированная во всех десяти лексикографических источниках, причём в семи из них она занимает первую или вторую позицию в списке. Ближняя периферия представлена лексемой *волновать* ($ISyn = 0,0489$). Несмотря на высокую частотность, её показатель почти вдвое ниже, чем у *беспокоить*. Это свидетельствует о том, что глагол *волновать* тяготеет преимущественно к значению эмотивного каузатива и в меньшей степени выражает идею внешнего беспокойства или помехи. Дальняя периферия включает лексемы *смуцать, нарушать покой*,

мучить, заботить и трогать (значения ISyn от 0,022 до 0,028). Их относительно низкие показатели и нерегулярная фиксация в источниках указывают на периферийный статус.

Таблица 2.

Синонимический ряд глагола *тревожить*

Словарь Лексема	ОСРС	ССАСРЯ	ССРЯ	КС	ГР	СРСССВ	СРСК	СС	СР	ССО	ISyn
Беспокоить	1	6	1	1	1	1	1	1	1	1	0,1075
Волновать	2	1	15	11	2	2	2	2	2	11	0,0489
Смущать	11	8	9	6	11	11	8	8	11	7	0,0281
Нарушать покой	10	5	11	11	7	6	6	7	11	11	0,0267
Мучить	4	11	5	11	4	4	11	4	11	11	0,0254
Заботить	8	3	18	11	11	11	4	11	11	11	0,0230
Трогать	3	11	3	11	3	3	11	3	11	11	0,0225

Используемые лексикографические источники фиксируют от двух до пяти значений глагола, что говорит о его полисемии. Выявленные значения делятся на эмотивно-каузативные (ядро) и ситуативно-физические (периферия).

В эмотивно-каузативных значениях лексема определяется с помощью глаголов *приводить* (в состояние тревоги, волнения) [МАС, ТС-У, СМВ, ССРЛЯ, ТС-Е, ТСРЯ-Д, ТС-О, ТС-П, ТСЖЯ-Д], *внушать* (тревогу, опасения) [ТС-У, ССРЛЯ, ТС-Е, ТС-П], *вызывать* (тревогу) [ОСРС, ССАСРЯ]. В ситуативно-физических значениях лексическая единица толкуется с помощью глаголов *нарушать* (покой, спокойствие, тишину, положение) [МАС, ТС-У, ССРЛЯ, ТС-Е, ТСРЯ-Д, ТС-О, ТС-П, ТСЖЯ-Д], *мешать* [ССРЯ, ТСРЯ-Д, СР], *причинять* (боль, беспокойство, неудобство) [МАС, ТС-У, СМВ, ТС-Е, ТСРЯ-Д], *беспокоить* [МАС, СМВ, ТС-Е, ТСРЯ-Д, ТС-О], *тревожить* (рану) [ТС-У, СМВ, ТСРЯ-Д], *раздражать, лишать спокойствия* [ТС-У].

Дефиниции и примеры из лексикографических источников отражают деятельность целенаправленного характера: действие совершается для достижения определённого (иногда неявного) результата в состоянии или

поведении объекта. Нами выделены следующие виды целевого воздействия: цель – вызвать эмоциональный отклик, предупредить: «*[Штольца] тревожило более всего здоровье Ольги*» (цель – сфокусировать внимание на проблеме, возможно, побудить к действию) [МАС]; «*Меня тревожит отсутствие писем*» (цель – осознать причину для беспокойства) [ТС-У]; «*Состояние больного тревожит врачей*» (цель – оценить риски, изменить тактику лечения) [ТС-О]; цель – прервать деятельность, отдых, покой: «*Разъезды его [Пугачева] не переставали тревожить город*» (цель – нарушить нормальную жизнь, посеять страх) [МАС]; «*Весь день тревожат посетители*» (цель – отвлечь от основных занятий, иногда против воли объекта) [ТС-О]; «*Гулко раздавался... стук. Это Яшка тревожил чуткую тишину*» (цель – прервать тишину, спокойствие) [МАС]; цель – причинить физический дискомфорт: «*Роднева начало тревожить старое ранение*» (цель – не осознанная субъектом; это результат физического процесса) [МАС]; «*Не тревожь больную ногу*» (цель – предостережение от действия, которое причинит боль) [МАС].

Заключение

Проведённый дефиниционный и синонимический анализ глагола тревожить позволили системно описать его семантический потенциал и место в группе русских эмотивных каузативов. В результате исследования установлено, что семантическое поле глагола имеет чёткую структуру, сформированную двумя инвариантными (ядерными) значениями: 1) приводить в состояние тревоги (эмотивное воздействие) и 2) нарушать покой, мешать (социальное беспокойство). Эти семы зафиксированы во всех десяти рассмотренных лексикографических источниках, что свидетельствует об их абсолютной укоренённости и устойчивости в языковом сознании. К периферии относятся семы, связанные с причинением физического дискомфорта (ближняя периферия) и интенсивного психического раздражения (дальняя периферия), которые носят более частный характер.

Синонимический анализ с применением количественного метода (индекс синонимичности, ISyn) показал, что ядро ряда образует глагол *беспокоить* (ISyn = 0.1075). На ближней периферии находится глагол *волновать* (ISyn = 0.0489), который актуализирует преимущественно эмотивный компонент значения. Лексемы *смущать*, *нарушать покой*, *мучить* и другие формируют дальнюю периферию, уточняя различные аспекты и оттенки каузации беспокойства.

Список принятых обозначений и сокращений:

МАС – Малый академический словарь А. П. Евгеньевой.

ТСРЯ-У – Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

СМВ – Словарь многих выражений.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах).

ТС-Е – Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой.

ТСРЯ-Д – Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева.

ТС-О – Толковый словарь С. И. Ожегова.

ТС-П – Толковый словарь языка А. С. Пушкина.

ТСЖЯ-Д – Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля.

ЭССРЯ – Этимологический словарь современного русского языка.

ОСРС – Онлайн-словарь русских синонимов.

ССАСРЯ – Словарь синонимов и антонимов современного русского языка.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка.

КС – Ресурс «Карта слов» (kartaslov.ru).

ГР – Портал «Грамота.ру».

СРСССВ – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова.

СРСК – Словарь русских синонимов «Контекст 5.0».

CCS – Словарь синонимов «Sinonim.su».

CR – Словарь Reverso (synonyms.reverso.net).

Список литературы:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 502 с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991. 443 с.
4. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003. 708 с.
5. Евгеньева А. П. (ред.) Малый академический словарь: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984. 702 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 2294 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 789 с.
9. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50000 слов. М.: Аделант, 2014. 800 с.
8. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 1232 с.
10. Ушаков Д. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940. 1432 с.
11. Чернышев В. И. (ред.) Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. 880 с.
12. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

Электронные ресурсы:

13. Ассоциации к слову «тревожить». URL: <https://sinonim.org/as/тревожить> (дата обращения: 06.12.2025).
14. Портал «Грамота.ру». URL: <https://gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 06.12.2025).
15. Ресурс «Карта слов и выражений русского языка». URL: <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/тревожить> (дата обращения: 06.12.2025).
16. Словарь многих выражений (СМБ). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/fc/slovar-210-21.htm> (дата обращения: 05.12.2025).
17. Словарь синонимов. «Sinonim.org». URL: <https://sinonim.org/s/тревожить> (дата обращения: 05.12.2025).
18. Словарь синонимов «Synonym.one». URL: <https://ru.synonym.one/тревожить> (дата обращения: 05.12.2025).
19. Словарь синонимов Reverso. URL: <https://synonyms.reverso.net/синонимы/ru/тревожить> (дата обращения: 05.12.2025).
20. Онлайн-словарь синонимов. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: 05.12.2025).

References:

1. Abramov N. Slovar` russkix sinonimov i sxodny`x po smy`slu vy`razhenij. M.: Russkie slovari, 1999. 502 s.
2. Vasil`ev L. M. Semantika russkogo glagola. M.: Vy`sshaya shkola, 1981. 184 s.
3. Dal` V. I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: V 4 t. M.: Russkij yazy`k, 1989–1991. 443 s.

4. Dmitriev D. V. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka. M.: Astrel`, AST, 2003. 708 s.
5. Evgen`eva A. P. (red.) Malyj akademicheskij slovar`: V 4 t. M.: Russkij yazyk, 1981–1984. 702 s.
6. Efremova T. F. Novyj slovar` russkogo yazy`ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij yazyk, 2000. 2294 s.
7. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka. M.: Russkij yazyk, 1990. 789 s.
9. Slovar` sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazy`ka: 50000 slov. M.: Adelant, 2014. 800 s.
8. Slovar` yazy`ka Pushkina: v 4 t. / Otv. red. V. V. Vinogradov. 2-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 2000. 1232 s.
10. Ushakov D. N. (red.) Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka: V 4 t. M.: Sovetskaya e`nciklopediya; OGIZ, 1935–1940. 1432 s.
11. Cherny`shev V. I. (red.) Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka: V 17 t. M., L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950–1965. 880 s.
12. Shaposhnikov A. K. E`timologicheskij slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka: V 2 t. T. 1. M.: Flinta: Nauka, 2010. 584 s.

E`lektronny`e resursy`:

13. Asociacii k slovu «trevozhit`. URL: [https://sinonim.org/as/trevozhit`](https://sinonim.org/as/trevozhit) (data obrashheniya: 06.12.2025).
14. Portal «Gramota.ru». URL: <https://gramota.ru/slovari/> (data obrashheniya: 06.12.2025).
15. Resurs «Karta slov i vy`razhenij russkogo yazy`ka». URL: [https://kartaslov.ru/sinonimy`-k-slovu/trevozhit`](https://kartaslov.ru/sinonimy`-k-slovu/trevozhit) (data obrashheniya: 06.12.2025).
16. Slovar` mnogix vy`razhenij (SMV). URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/fc/slovar-210-21.htm> (data obrashheniya: 05.12.2025).

17. Slovar` sinonimov. «Sinonim.org». URL: [https://sinonim.org/s/trevozhit`](https://sinonim.org/s/trevozhit) (data obrashheniya: 05.12.2025).

18. Slovar` sinonimov «Synonym.one». URL: [https://ru.synonym.one/trevozhit`](https://ru.synonym.one/trevozhit) (data obrashheniya: 05.12.2025).

19. Slovar` sinonimov Reverso. URL: [https://synonyms.reverso.net/sinonimy`/ru/trevozhit`](https://synonyms.reverso.net/sinonimy`/ru/trevozhit) (data obrashheniya: 05.12.2025).

20. Onlajn-slovar` sinonimov. URL: <https://synonymonline.ru/> (data obrashheniya: 05.12.2025).

Информация об авторах:

Е. В. Малахова – аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the authors:

E. V. Malakhova – postgraduate student, Perm State National Research University

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Perm State National Research University

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 14.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 08.12.2025; approved after reviewing 14.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81'253

РОЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ РЕЦИПИЕНТА В ОЦЕНКЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА)

**Дмитрий Олегович Маршалкин¹, Ульяна Александровна Савельева^{2✉},
Елена Андреевна Яковлева³**

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹marschalkin.dmitry@yandex.ru

²ulyana_saveljeva@mail.ru

³elen2006esse@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние лингвокультурных факторов на оценку качества устного перевода. На основе теории риторических моделей Р. Б. Каплана и исследований в области контрастивной риторики анализируются различия в логических и аргументативных структурах текстов различных культур. Особое внимание уделяется роли лингвокультурной личности потребителя перевода как ключевого элемента межкультурной коммуникации. В работе обобщён опыт сотрудников Каспийской высшей школы перевода при работе с персидским языком. Подробно рассматриваются такие параметры оценки, как естественность и беглость речи, точность передачи смысла, художественное оформление и лингвокультурные особенности перевода. Показано, что эффективность устного перевода

определяется не только точностью и полнотой, но и способностью переводчика адаптировать риторическую и логическую структуру высказывания к ожиданиям аудитории.

Ключевые слова: устный перевод, лингвокультурная личность, риторические модели, персидский язык, оценка качества перевода

Для цитирования: Маршалкин Д. О., Савельева У. А., Яковлева Е. А. Роль лингвокультурной личности реципиента в оценке устного перевода (на примере персидского языка) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 84–96.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81'253

THE ROLE OF THE LINGUOCULTURAL PERSONALITY OF THE RECIPIENT IN THE ASSESSMENT OF INTERPRETATING QUALITY (ON THE EXAMPLE OF THE PERSIAN LANGUAGE)

Dmitrii O. Marshalkin¹, Uliana A. Savelieva^{2✉}, Elena A. Yakovleva³

Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹marschalkin.dmitry@yandex.ru

²ulyana_saveljeva@mail.ru

³elen2006esse@mail.ru

Abstract. The article dwells upon the influence of linguocultural factors on the assessment of interpreting quality. Based on R. B. Kaplan's theory of rhetorical models and research in the field of contrastive rhetoric, it analyzes differences in the

logical and argumentative structures of texts across cultures. Special attention is paid to the role of the recipient's linguocultural identity as a key element of intercultural communication. The paper summarizes the experience of the Caspian Higher School of Interpreting and Translation interpreters working with the Persian language. The paper explores in detail such evaluation parameters as authenticity and fluency of speech, accuracy of meaning transfer, stylistic expressiveness, and linguocultural features of interpretation. The findings demonstrate that the effectiveness of interpreting depends not only on accuracy and completeness but also on the interpreter's ability to adapt rhetorical and logical structures to the audience's expectations.

Keywords: interpreting, linguocultural identity, rhetorical models, Persian language, interpreting quality assessment

For citation: Marshalkin D. O., Savelieva U. A., Yakovleva E. A. The role of the linguocultural personality of the recipient in the assessment of interpreting quality (on the example of the persian language) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 84–96. (In Russ.).

Введение

В современном переводоведении всё более очевидной становится необходимость учитывать культурно-когнитивные особенности участников коммуникации. Перевод, особенно устный последовательный, – это не просто передача вербального содержания, но и процесс адаптации смыслов, логических структур и аргументации к ожиданиям другой культурной аудитории [9, с. 1–20].

Одним из ключевых теоретических оснований для подобного подхода является работа Роберта Б. Каплана «Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education» (1966), где впервые системно была показана связь между культурными моделями мышления и организацией текста [9, с. 1–20]. Исследователь доказал, что представители разных культур структурируют

аргумент не по универсальной логике, а в соответствии с привычными для своей риторической традиции моделями рассуждения. Этот тезис стал концептуальным прорывом, изменившим представления о тексте и когнитивных механизмах коммуникации.

Дальнейшие работы в области контрастивной риторики подтвердили, что даже при одинаковом коммуникативном намерении тексты разных культур существенно различаются по структуре аргументации, плотности информации и способам переходов между идеями [5; 13].

Исследовательские результаты и их интерпретация

В русле теории Роберта Б. Каплана можно выделить несколько типовых моделей построения текста:

– *прямолинейная модель* (характерная для англо-германской традиции) строится по принципу логического следования от тезиса к аргументам. Здесь ценится ясность, минимизация отклонений и чёткая причинно-следственная структура;

– *семитская модель* (арабский язык, иврит) демонстрирует «риторическую витиеватость»: основная мысль повторяется и развивается через вариации одного и того же слова и смысловые усиления;

– *ориентальная модель* (восточноазиатские языки и культуры) выстраивает рассуждение по спирали, приближаясь к сути постепенно, через намёки и аллюзии;

– *романская модель* (французский, испанский языки и культуры) сочетает логическое рассуждение с образностью и риторической выразительностью – здесь сама форма изложения является частью аргумента [5, с. 45–56; 13, с. 120–125];

– *русская модель* (в классификации Роберта Б. Каплана часть *славянской модели*), по наблюдениям исследователей, отличается ассоциативной и волнообразной логикой, допускающей тематические отступления, которые, однако, образуют единую смысловую ткань [3, с. 32–40; 4, с. 10–15;].

На простом примере объяснения явления восхода солнца легко проследить различия в культурных стратегиях построения речи: для англоязычного говорящего важна причинная связность, для арабского – эмоциональное усиление идеи, для японского – постепенность раскрытия смысла, а для русского – ассоциативная образность.

Когда переводчик работает в устном последовательном режиме, он выступает посредником между двумя логическими системами. Его задача заключается не только в передаче семантики, но и в перестройке культурной модели аргументации таким образом, чтобы речь воспринималась адресатом естественно [3, с. 98; 7, с. 256].

Так, при переводе с английского языка на русский переводчик часто вынужден смягчать прямолинейность исходного текста, добавляя более плавные связки и элементы ассоциативного мышления, чтобы речь не воспринималась «сухо» или чрезмерно рационально. В обратной ситуации – при переводе с русского на английский – напротив, требуется упорядочивание и логическая компрессия, иначе слушатель из англо-германской культуры может потерять нить рассуждения.

Таким образом, оценка качества устного последовательного перевода не может ограничиваться параметрами точности и полноты. Важным становится умение переводчика «переключать» логические и риторические коды, обеспечивая не только смысловую эквивалентность, но и культурную связанность высказывания [5, с. 178–180].

Переходя к обсуждению критериев оценки перевода студентов, отметим, что и в отечественной, и в западной традиции исследователи делают акцент на содержательной верности оригиналу (Accuracy), качестве переведённого текста (Target Language Quality), подаче (Delivery) – является ли общий смысл переведённого текста ясным и понятным? Присутствуют ли в переводе логические несоответствия или искажения смысла? [6; 8; 10; 11]. Похожие критерии оценки качества перевода выделяют Е. В. Аликина, Р. Сеттон и Э.

Дорант [12]: универсальные критерии, применяемые ко всем видам перевода, специальные критерии, учитывающие особенности конкретного типа перевода, и поведенческие критерии. Они считают, что каждый вид устного перевода (будь то синхронный, последовательный или синхронный с опорой на письменный текст) следует оценивать, исходя из общих принципов: точности передачи содержания исходного текста (*fidelity*), правильности формулировки речи на целевом языке (*expression*) и качества подачи материала (*delivery*) – естественности звучания, плавности изложения, скорости речи и способности вызывать требуемое восприятие у аудитории.

Однако вышеназванные критерии не оговаривают, кто именно производит оценку перевода. В конечном итоге перевод осуществляется для конкретного потребителя, который, в свою очередь, мыслит и рассуждает в рамках лингвокультурных моделей страны, представителем которой он является. Оговоренные выше модели мышления и построения структуры текста Роберта Б. Каплана, на наш взгляд, заслуживают внимания в том числе и в качестве критериев для оценки устного перевода студентов.

В данной статье нам хотелось бы особо выделить лингвокультурную личность потребителя перевода как ключевого звена, которое необходимо учитывать при оценке устного перевода. Обобщая опыт перевода на международных мероприятиях, осуществляемый сотрудниками Каспийской высшей школы перевода, мы проанализируем этот аспект на примере персидского языка.

Особые трудности вызывает перевод восточного дискурса, где суть раскрывается постепенно. Как отмечают исследователи, переводчик в этом случае должен балансировать между сохранением оригинальной риторики и ожиданиями аудитории, ориентированной на прямую и быструю подачу информации [7, с. 45–48].

Рассматривая аспекты оценки перевода с точки зрения носителя персидского языка, помимо личности заказчика, необходимо выделить

следующие факторы: выразительность и художественное оформление речи, точность, полнота перевода, лингвокультурологические особенности структуры перевода и иные специфические компоненты. Вышеперечисленный список не выстроен в иерархическом порядке и не является исчерпывающим. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

При переводе с русского на фарси наиболее значимыми факторами являются:

1) *Естественность и беглость речи*: из беседы с носителями персидского языка мы выяснили, что для них данный фактор является наиболее релевантным. Носитель должен воспринимать переведённый текст так, как если бы он изначально был написан на фарси.

Существуют факторы, которые нарушают такое восприятие. Например, излишняя русификация или арабизация предложений (с точки зрения структуры и лексики): перевод русского предложения «У меня болит голова» правильно переводится как سرم درد می‌کند (сарам дард миконад) – *моя голова болит*. Не имея достаточного опыта, начинающий русскоговорящий переводчик по незнанию может перевести дословно: برای من سر درد می‌کند (бараи ман сар дард миконад) – *у меня голова болит*. С точки зрения грамматики, в обоих языках в центре предложения лежит смысловая основа «голова болит», а второстепенные члены выражены по-разному: иранцы говорят, что их голова болит, а русские – что у них болит голова. Разница небольшая, но калька с русского языка для иранцев кажется неестественной.

Помимо этого, необходимо сохранять ритмику персидской речи, т. е. правильно расставлять смысловые ударения и интонацию.

2) *Точность, соответствие исходному тексту*: для иранцев важно понять идею, смысл и настроение (тональность) исходного текста.

Если в речи иностранца присутствуют цифры, специализированная лексика, и иранцу покажется что-то непонятным в переводе, то он обязательно

переспросит. При этом носители персидского языка даже могут вежливо перебить собеседника для уточнения информации.

Практика перевода показывает, что во время самого перевода иранцы редко поправляют переводчика, если тот совершил ошибку. Как правило, если ошибка не нарушает восприятие, иранцы её проигнорируют, но могут обсудить с переводчиком после мероприятия. В то же время, если, к примеру, лексическая ошибка мешает восприятию перевода, иранцы переспросят, уточнят и предложат верный вариант.

Неточности в употреблении специфических терминов могут серьёзно повлиять на исход переговоров. Например, при переводе термина «таможенная пошлина» правильным будет вариант حقوق گمرکی (хакук-е гомроки). Если переводчик использует عوارض گمرکی (аварез-е гомроки, вариант, предлагаемый Google Translate) – может случиться недопонимание: иранская сторона может посчитать таможенную пошлину *фиксированной и низкой стоимостью*, в то время как «таможенная пошлина» – это процент от стоимости товара, и сумма пошлины может быть очень высокой. Эта неточность в переводе может напрямую повлиять на расчёт прибыли и убытков по контракту стоимостью в миллионы рублей.

В то же время, при переводе с фарси на русский наиболее важными факторами являются:

1) *Художественное оформление речи*: как правило, данный аспект напрямую зависит от типа текста. По словам опрошенных нами иранских студентов, наибольшее внимание данному критерию уделяют при переводе художественных текстов, в то время как в научном или техническом стиле на первом месте будут *точность и полнота*.

Однако, нередко иранцы даже в обычной речи цитируют знаменитых иранских поэтов: Саади, Хафиза, Фирдоуси, Руми и других. Также персидский язык, как и русский, изобилует различными пословицами и поговорками. Задача переводчика в таком случае – иметь в запасе заученные произведения

вышеупомянутых поэтов и знать самые часто употребляемые поговорки наизусть.

2) *Лингвокультурологические особенности*: иранцы практически всегда начинают свою речь с обращения к Всевышнему: به نام خدا (бе нам-е хода), به اسم الله (бе эсм-е Аллах) и других. В таком случае необходимо переводить общепринятым эквивалентом «Во имя Господа, Милостивого и Милосердного».

Ещё одной особенностью речей иранских ораторов является широкое употребление синонимичных выражений, соединяющихся союзом و (ва), например: ساخت و ساز (сахт ва саз) – дословно: строительство и возведение, но перевести следует одной лексемой – *строительство*, مستقل و آزاد (мостақел ва азад) – *независимый*, مورد بحث و گفتگو گرفتار (моуред-е бахс-у гофтегу герефтан) – *обсуждать*. Такие словосочетания придают определённую красоту речи. При этом при переводе такое словосочетание переводится одним словом во избежание тавтологии [2].

Другой лингвокультурологической особенностью иранских речей является использования таарофа – система этикетных правил, применяемых в различных аспектах жизни иранцев [1]. При личной встрече иранцы обязательно поинтересуются как у собеседника дела и при переводе обязательно нужно поблагодарить собеседника и задать встречный вопрос, даже если заказчик не ответит.

При переводе необходимо также учитывать должностную иерархию и возраст. Как правило, младший сотрудник будет говорить о себе с некоторым «принижением», употребляя слова بنده (банде) – *раб* (букв.), چاکر (чакер) – *слуга* (букв.) и др. Данные слова не переводятся дословно, а заменяются местоимения «я». Также при переводе допускается вежливое обращение к старшему جناب آقای (дженаб-е ақа-йе) и جناب خانم (дженаб-е ханом) к мужчине и женщине соответственно. Как правило, эти сочетания переводятся буквально: «уважаемый господин/уважаемая госпожа». Обращение на «вы» выражается

словом *جناب عالی* (дженаб-е али) – *Ваши превосходительство* – и буквально не переводится.

Заключение

Таким образом, оценка качества устного последовательного перевода не может ограничиваться параметрами точности и полноты. Важным становится умение переводчика не только «переключать» логические и риторические коды, но и учитывать лингвокультурную специфику потребителя перевода, обеспечивая не только смысловую эквивалентность, но и культурную когеренцию высказывания.

Список литературы:

1. Бэни Ф. А. Таароф в иранском речевом этикете // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taarof-v-iranskom-rechevom-etikete> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Даниелян А. А., Савельева У. А. Приёмы подготовки к устному переводу с персидского языка на русский // Креативная лингвистика: сборник научных статей. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2024. С. 182–185.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Р. Валент, 2014. 407 с.
4. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с.
5. Connor U. Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second-Language Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
6. Gillies A. Conference Interpreting. A student's practice book. Routledge, 2013. 279 p.
7. Hatim B., & Mason I. The Translator as Communicator. London: Routledge, 1997.

8. Hlavac J. A cross-national overview of translator and interpreter certification procedures // International Journal for Translation and Interpreting Research. Vol. 5, No. 1. 2013. PP. 34–65.
9. Kaplan R. B. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education. Language Learning, 16 (1–2), 1966. PP. 1–20.
10. Kellett C. J. M. Video-aided testing of student delivery and presentation in consecutive interpretation // Interpreters' Newsletter. 6. 1995. PP. 43–6.
11. Lee J. Rating Scales for Interpreting Assessment Performance // Interpreter and Translator Trainer, 2:2. 2014. PP. 165–187.
12. Pavlikova S. K., Yershov V. I. Criteria for Assessing Interpretation from the Textual and Speech Aspects Perspectives. Linguistics & Polyglot Studies. 2023. 9 (4). PP. 69–82.
13. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2003. PP. 502.

References:

1. Be`ni F. A. Taarof v iranskom rechevom e`tikete // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazy`koznanie. Kul`turologiya. 2022. № 8–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taarof-v-iranskom-rechevom-etikete> (data obrashheniya: 27.10.2025).
2. Danielyan A. A., Savel`eva U. A. Priomy` podgotovki k ustnomu perevodu s persidskogo yazy`ka na russkij // Kreativnaya lingvistika: sbornik nauchny`x statej. Astraxan`: Astraxanskij gosudarstvenny`j universitet imeni V. N. Tatishheva, 2024. S. 182–185.
3. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: R. Valent, 2014. 407 s.
4. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda: status, problemy`, aspekty`. 3-e izd. M.: LIBROKOM, 2012. 216 s.

5. Connor U. Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second-Language Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
6. Gillies A. Conference Interpreting. A student's practice book. Routledge, 2013. 279 p.
7. Hatim B., & Mason I. The Translator as Communicator. London: Routledge, 1997.
8. Hlavac J. A cross-national overview of translator and interpreter certification procedures // International Journal for Translation and Interpreting Research. Vol. 5, No. 1. 2013. PP. 34–65.
9. Kaplan R. B. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education. Language Learning, 16 (1–2), 1966. PP. 1–20.
10. Kellett C. J. M. Video-aided testing of student delivery and presentation in consecutive interpretation // Interpreters' Newsletter. 6. 1995. PP. 43–6.
11. Lee J. Rating Scales for Interpreting Assessment Performance // Interpreter and Translator Trainer, 2:2. 2014. PP. 165–187.
12. Pavlikova S. K., Yershov V. I. Criteria for Assessing Interpretation from the Textual and Speech Aspects Perspectives. Linguistics & Polyglot Studies. 2023. 9 (4). PP. 69–82.
13. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2003. PP. 502.

Информация об авторах:

Д. О. Маршалкин – ассистент, переводчик Каспийской высшей школы перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

У. А. Савельева – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Каспийской высшей школы перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Е. А. Яковлева – старший преподаватель, главный специалист Каспийской высшей школы перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

D. O. Marshalkin – assistant lecturer, Translator and Interpreter, Caspian Higher School of Interpreting and Translation, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

U. A. Savelieva – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Director Caspian Higher School of Interpreting and Translation, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

Е. А. Yakovleva – senior lecturer, Senior Specialist Caspian Higher School of Interpreting and Translation, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 14.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 003.86+811.133.1

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА

Марина Ильинична Свешникова^{1✉}, Елена Игоревна Сернова²

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹msveshnikva@rambler.ru

²eis67@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения культурного фона языка при переводе поэтических произведений. Культурный фонд, связанный с родным языком, доминирует в восприятии произведений другого культурного поля. Для примера взяты произведения русских поэтов и тексты русских песен и романсов. Проблема перевода художественных произведений связана, прежде всего, с передачей содержательного компонента, однако поэтический текст представляет сложности ещё и в передаче структуры (особенно в песенном тексте), и в переводе различных реалий, лакун, грамматических конструкций. Перевод таких произведений на другой язык должен ещё учитывать культурный контекст, в котором было написано произведение.

Ключевые слова: культура, поэзия, перевод, песенный текст, эквивалентность

Для цитирования: Свешникова М. И., Сернова Е. И. Поэтический текст в культурном пространстве: проблема эквивалентного перевода // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 97–112.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

УДК 003.86+811.133.1

**POETIC TEXT IN CULTURAL SPACE:
EQUIVALENT TRANSLATION PROBLEM**

Marina I. Sveshnikova^{1✉}, Elena I. Sernova²

Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹msveshnikva@rambler.ru

²eis67@mail.ru

Abstract. This article examines the challenges of preserving the cultural background of a language when translating poetry. The cultural background associated with one's native language dominates the perception of works from another cultural field. The examples include works by Russian poets and the lyrics of Russian songs and romances. The problem of translating works of fiction is primarily associated with conveying the content, but poetic texts also present challenges in conveying structure (especially in song lyrics), as well as in translating various realia, lacunae, and grammatical constructions. Translating such works into another language must also take into account the cultural context in which the work was written.

Keywords: culture, poetry, translation, song lyrics, equivalence

For citation: Sveshnikova M. I., Sernova E. I. Poetic text in cultural space: equivalent translation problem // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 97–112. (In Russ.).

Введение

В настоящее время коммуникация зачастую понимается как непосредственное общение с носителем иностранного языка, что далеко не всегда соответствует действительности. Варианты общения становятся всё более разнообразными благодаря различным техническим средствам. В современных условиях любая информация становится доступной огромному количеству людей независимо от того, достаточно ли хорошо они владеют тем или иным иностранным языком. В данном контексте встаёт вопрос: насколько достаточны наши знания в языке и о языке. Ведь язык – это не просто набор специальных знаков для оформления речевого высказывания, это также и некий дополнительный код, обуславливающий оптимальную жизнедеятельность в той или иной языковой среде, которая включена непосредственно в среду обитания носителя языка. Данная среда всегда имеет свои особенности, которые, возможно, незнакомы представителю другой среды и могут спровоцировать непонимание не на уровне владения языковыми средствами для осуществления коммуникации, а на уровне фоновом, что представляет проявление культурного компонента языка в самом широком смысле слова.

Так же и текст художественного произведения вызывает эстетическое отношение реципиента как к содержанию, так и к словам, это содержание передающим [4, с. 358]. В поэзии этот процесс имеет более развёрнутое значение, воздействуя на непосредственное читательское чувство, когда «небольшое по объёму стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста» [2, с. 57]. Конечно, всё культурное многообразие языка охватить практически невозможно, тем более что мы всегда воспринимаем любой объект (даже культурный) через

наше собственное уже сформированное видение процессов взаимодействия, и даже не осознаём того, что постоянно сравниваем чужой вариант с родным знакомым нам культурным объектом.

Следует отметить, что и наш культурный продукт имеет ярко выраженные отличительные особенности, которые находят своё выражение в нашем языке. Это значит, что помимо каких-то общих понятий, которые присутствуют в любом языке, существует огромное количество дополнительных значений, нюансов в употреблении, традиций в использовании, языковых реалий, наконец, каких-то табу.

Перевод произведений русской литературы на иностранный язык (в нашем случае, на французский) позволяет не только выявить особенности другой культуры, но и понять, насколько в восприятии представителей другой культуры многогранно наше собственное культурное наследие.

Всё, что создано человечеством, что было отобрано временем, что осталось в памяти народа, всё это необходимо в культурном достоянии. Зачем переписывать «Евгения Онегина» или «Ромео и Джульетту»? Эти произведения тем и хороши, что поднимают вечные вопросы бытия и человеческих взаимоотношений. И, совершенно не нужно портить их осовремененным жаргоном. Сюжет может быть вне времени. Но язык всегда связан с эпохой, с культурой того времени. Он отражает как зеркало систему отношений того общества, когда было написано произведение. Если мы не будем изучать язык прошедших времён, не будем сравнивать с настоящим временем, то мы никогда не поймём, а куда же мы движемся, куда развиваемся, прогресс это, или регресс. Даже язык А. Пушкина или В. Гюго имеет право на существование и употребление (в определённых ситуациях, конечно). Важно и в переводах бережно относиться к языку и оригинала, и перевода [1, с. 75].

Наше культурное поле обширно и многогранно. Мы живем в этом мире, культурное влияние окружающего нас пространства постоянно и неоспоримо. Однако не у всех есть возможность сравнения того, что было, с тем, что

существует сейчас. Поэтому часто мы даже не знаем, что многое (если не всё) уже сказано, многие (если не все) сюжеты написаны и даже сыграны. Любое произведение рассказывает о своём времени и даже о том, каким данная эпоха видела своё прошлое [4, с. 374], что немаловажно в общем восприятии культурного контекста.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В современной действительности иногда сложно правильно соотнести реалии прошлой жизни с эквивалентами современной эпохи, так как не всегда мы чётко понимаем значение произошедших изменений. Примером таких «ошибок» могут быть переводы литературных произведений на другой язык. Современный переводчик не всегда верен в передаче действительности, отстоящей от нас на несколько столетий. Подобное часто происходит с переводами русских поэтов на французский язык. Вот пример знаменитого стихотворения А. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» [5, с. 177–178]. Проанализируем перевод Кати Гранофф [9, с. 77–78]. Следует отметить, что переводчик стремился сохранить форму произведения: размер, рифму, структуру текста. Вполне возможно, что это помешало найти точные средства передачи содержания.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознеся выше он главою непокорной

Александрийского столпа.

Уже первая строка вызывает сложности в переводе: *нерукотворный – moral. Александрийский столп* также вызвал проблему: в переводе получилась аллюзия на город Александрию и её достопримечательности, а не на *Александровскую колонну*. Своеобразно передано понятие *не зарастёт... тропа* – *sente fleurie*.

J'ai moi-même érigé mon monument moral,

Où le peuple viendra par la sente fleurie;

Il lèvera plus haut son faîte triomphal

Que le pilier d'Alexandrie.

Вторая строфа передаёт только общий смысл, а в третьей – понятие *великой* связано с величиной – *l'immense étendue*, внук славян получил совсем другую характеристику – *Le pur Slave orgueilleux*, а вместо тунгуса появился черкес – *L'habitant de la Circassie*.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит –

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык.

Je resterai fameux, car s'il restait encor

Ne fût-ce qu'un poète en ce monde implacable,

Mon âme dans ma lyre, au-delà de mon corps,

Résonnerait, impérissable.

En languages divers ils parleront de moi,

Sur l'immense étendue, dans toute la Russie:

Le pur Slave orgueilleux, le Kalmouk, le Finnois,

L'habitant de la Circassie...

И совсем неожиданно дан перевод первой строки последней строфы:
Веленью божью, о муза, будь послушна – Ô Muse, élève-toi contre la tyrannie!

Другой перевод выполнен Луи Мартине [8, с. 175]. В отличие от Кати Гранофф этот переводчик не ставил себе целью сохранить звуковой рисунок произведения (это общая тенденция в современном французском переводе), а стремился максимально точно воспроизвести содержание текста. Однако и

здесь мы видим некоторые неточности: *нерукотворный* – *Sans maître d'oeuvre humain*, *александрійський стовп* – *la colonne alexandrine* (хотя переводчик в примечаниях объясняет, что это Александровская колонна), *прах... и тленье...* – *cendre et corruption*, понятие *Руси великой* опять связано только с размером страны – *l'immense Russie*.

Sans maître d'oeuvre humain j'érige un monument

Dont le peuple, assidu, parcourra le chemin.

Sa tête est insoumise et s'élève plus haut

Que la colonne alexandrine.

La mort n'aura pas tout. Survivant dans ma lyre

Mon âme défiera cendre et corruption

Et je serai glorieux tant que la lune au ciel

Brillera sur un seul poète.

Je serai célèbre dans l'immense Russie

Et toute nation y redira mon nom:

Slave orgueilleux, Finnois, Toungouz encore sauvage

Et Kalmouk ami de la steppe...

Отсутствие внешней относительно чёткой стихотворной организации затрудняет восприятие, ведь у поэта все стороны произведения связаны, и невозможно принять нерифмованный текст А. Пушкина, пусть и на другом языке.

Стихотворный текст требует очень тщательной работы в переводе. Кроме содержания текста необходимо обращать внимание и на социальный, и на политический контекст, в котором было написано произведение. Во многих случаях авторы прибегали к иносказаниям, различного рода аллюзиям и другим средствам, которые приходится иногда расшифровывать дополнительно, чтобы понять смысл произведения. Так, романс Н. Павлова [7, с. 49–50] может рассматриваться и как выражение личной трагедии, и как реакция на политическую обстановку в России того времени (1853 г.).

Не говори, что сердцу больно

Н. Ф. Павлов

Не говори, что сердцу больно
От ран чужих;
Что слезы катятся невольно
Из глаз твоих!..

Ne dis pas que tu te tourmentes

Ne dis pas que tu te tourmentes
Pour d'autres qu'on blesse;
Et que tes larmes coulent sans demande
Des yeux sans cesse....

В переводе [6, с. 27] необходимо как можно более точно сохранить внутренний смысл произведения, при этом сделав его понятным, тем более, что романс предполагает музыкальное исполнение.

...Твоей души святыя звуки,
Твой детский бред
Перетолкует все от скуки
Безбожный свет.
Какая в том тебе утрата,
Какой подрыв,
Что люди распинают брата
Наперерыв?

Les sons sacrés de ton bonne âme,
Paroles pudiques,
Le monde les interprète en blâme,
Sans Dieu, cynique!
Quelle est ta perte dans cette affaire

A quoi l'atteinte?
Que les gens crucifient le frère
Sans cesse, sans crainte.

(перевод М. И. Свешиниковой)

Следует также иметь в виду, что формально наши языки разные, и использование аналогичных средств зачастую просто невозможно: синтетические формы *невольно, перетолкует, безбожный, наперерыв* передаются аналитически.

Песня представляет собой законченное произведение малой формы, что позволяет сразу охватить весь замысел автора, текст песни строго ограничен в плане внешнего выражения: это должна быть форма, адекватно соотносимая с ритмическими и мелодическими константами. При переводе подобных произведений мы можем выявить те отличия, которые являются характерными в разных культурах. Благодаря богатейшему наследию, которое предоставляет нам французская и русская поэзия, мы имеем возможность наглядно изучить, как удаётся или не удаётся передать ту или иную песню на другой язык.

При переводе русских песен на французский язык мы сталкиваемся с определёнными трудностями. На примере песни «Ой, мороз, мороз» [6, с. 36] посмотрим, какие проблемы возникают в языковом оформлении. В тексте русской песни мы не встречаем ни языковых реалий, ни историзмов, ни специфических слов (диалектизмов, неологизмов).

Ой, мороз, мороз

(народная песня)

Ой, мороз, мороз,

Не морозь меня,

Не морозь меня, моего коня.

Не морозь меня, моего коня,

Моего коня белогривого,

Моего коня белогривого.

У меня жена, ох, ревнивая.
У меня жена, ох, красавица,
Ждет меня домой, ждет-печалится.
Я вернусь домой на закате дня,
Обниму жену, напою коня.

Текст представляет некоторые сложности для перевода [6, с. 37]. Прежде всего, это смена рифмы с мужской на дактилическую (такой вид рифмы отсутствует во французском стихосложении), и снова на мужскую в конце текста; кроме этого, некоторым производным формам слов, например, *белогривого, печалится, красавица* – трудно найти эквивалент в другом языке, их приходится перефразировать в *à crinière blanche, folle du chagrin, belle*; и наконец, повторяющийся звук «о» (усиленный повтором в междометиях), который подчёркивает жалобы и просьбы лирического героя, исчезает при переводе, его место занимает звук «а». К тому же само слово «мороз» приходится перевести словом «*froid*», что несколько слабее по значению, но лучше, чем «*gelée*» соответствует рифме и ритму.

Oh, froid, froid
(*chanson populaire*)
Oh, grand froid, grand froid,
Ne me gèle pas,
Ne gèle pas mon cheval, ne me gèle pas.
Ne gèle pas mon cheval, ne me gèle pas.
Ne gèle pas mon cheval à crinière blanche.
Ne gèle pas mon cheval à crinière blanche.
J'ai une jeune épouse, très jalouse et franche.
Elle est belle, ma femme, elle m'attend toujours,
Folle du chagrin, folle de l'amour.
Fatigué, le soir, chez elle, je reviens.
Je l'embrasse, au cheval, je donne à boire bien.

(перевод М. И. Свешиниковой)

В результате разницы в количестве слогов русских и французских слов в переводе появились «лишние» слова: *jeune (épouse), franche, folle de l'amour, fatigué*. Они необходимы для заполнения музыкальных тактов и соответствуют контексту.

Перевод песенного текста должен полностью совпасть с оригиналом по всем параметрам: размеру, рифме, внутреннему смыслу, общему содержанию. Песня «Лейся, песня» [3, с. 35–36] вызывает только одну трудность: как понимать выражение *штурмовать далеко море*. Следует ли использовать военную лексику, или взять более широкое значение. Так как это песня из кинофильма «Семеро смелых» о подвиге исследователей Арктики, то для перевода следует использовать более широкое значение выражения.

Лейся, песня

А. Ансолов

Лейся, песня на просторе,
Не грусти, не плачь, жена.
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.
Путь на берег невидимый,
Бьется сердце корабля.
Вспоминаю о любимой
У послушного руля.
Буря, ветер, ураганы
И не страшен океан.
Молодые капитаны
Поведут наш караван...

Передавая содержание произведения [6, с. 61], прежде всего следует помнить о главной мысли, выраженной в тексте. Выделив основную идею, можно опустить второстепенные детали (если они затрудняют звуковое

оформление текста), отсутствие которых не искажает общий смысл (*невидимый, буря, ураганы, караван*).

Ma chanson, chante!

Dans l'espace, ma chanson, chante!

Ne pleure pas, sois gaie, ma chère.

La Patrie nous fait commande

D'explorer au loin une mer.

Notre voie n'est pas facile.

Le coeur du navire bat.

Et au gouvernail docile,

Je pense à ma chère là-bas.

L'océan, le vent, les peines

Ne peuvent pas nous effrayer.

Et les jeunes capitaines

Sont prêts tous à nous mener...

(пер. М. И. Свешниковой)

Песня «Живет моя красотка» [6, с. 40] представляет проблемы для передачи содержания на французский язык. В тексте оригинала имеются языковые реалии: *терем, кистень, троечка* (в некоторых версиях песни – *отрада* вместо *красотки*, есть куплет и про *атамана* разбойников). Передача этих понятий сложна, так как невозможно найти адекватный эквивалент в другой культуре, а дать транслитерацию нельзя, это затемнит общий смысл произведения (хотя во французских словарях можно найти даже слово *troïka* [10, с. 641]).

Живет моя красотка

(народная переработка песни С. Рыскина)

Живет моя красотка

В высоком терему,

А в терем тот высокий

Нет ходу никому...
...А мой кистень сильнее
Десятка кистений,
Была бы только ночка
Сегодня потемней!..

Ma chère belle dame

(version populaire de la chanson de S. Ryskine)

Ma chère belle dame
Habite un haut donjon.
Personne ne voit cette femme,
Ni n'entre en la maison...
...Ma main ferrée est forte,
Plus forte que dix poings.
Qu'il fasse derrière la porte
Noir jusqu'au matin!..

Также невозможно точно передать значение слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что очень часто встречается в народных песнях: *красотка, ночка, троечка*. Понятно, что в тексте оригинала подобные средства использованы не столько для обозначения размера предмета или понятия, а скорее для выражения личностного отношения, однако на французский язык их приходится переводит гораздо более общими понятиями: *ma chère belle dame, ma belle, la nuit, ma petite charrette avec trois coursiers* [6, с. 41].

...Уж троечка готова
Лихих борзых коней,
Была бы только ночка
Сегодня потемней!..

...Ma petite charrette est prête

Avec trois coursiers.
Que la nuit soit faite
La plus noire foncée!..

(перевод М. И. Свешниковой)

Но если фонетические характеристики текста достаточно легко воспроизводятся средствами другого языка, то содержательный элемент представляет наибольший интерес и наибольшие проблемы.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что процесс перевода – это процесс творческий и требует значительных знаний и усилий со стороны профессионального переводчика. Он несёт полную ответственность за создаваемое произведение. Насколько точно он сможет воспроизвести смысл произведения, настолько читатель или слушатель создаст себе картину описываемых событий, действий или чувств. А перевод стихотворного произведения самый сложный, так как в нём всё взаимосвязано.

Список литературы:

1. Галь Нора. Слово живое и мёртвое. М.: АСТ, 2022. 384 с.
2. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. М.: Эксмо, 2022. 416 с.
3. Любовь нечаянно нагрянет. Сост.: Л. Сафошкина, В. Сафошкин. М.: 1999. 416 с.
4. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
5. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Сказки. М.: 2005. 608 с.
6. Русские романсы и песни в переводе на французский язык: учебное пособие / сост. М. И. Свешникова. Астрахань: Издательский Дом «Астраханский университет», 2014. 99 с.
7. Русский романс. М., «Художественная литература», 2008. 238 с.

8. Alexandre Pouchkine. Poésies. Traduction, choix et présentation de Louis Martinez. Paris, Gallimard, 2011. 333 p.

9. Anthologie de la poésie russe / éd. de Katia Granoff. P. aris, Gallimard, 2007. 537 p.

10. Dictionnaire du français moderne. Paris, Hatier, 1982. 832 p.

References:

1. Gal' Nora. Slovo zhivoe i mertvoe. M.: AST, 2022. 384 s.

2. Lotman YU. M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stiha. M.: Eksmo, 2022. 416 s.

3. Lyubov' nechayanno nagryanet. Sost.: L. Safoshkina, V. Safoshkin. M.: 1999. 416 s.

4. Mechkovskaya N. B. Semiotika: YAzyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lekcij. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. 432 s.

5. Pushkin A. S. Stihotvoreniya. Poemy. Dramy. Skazki. M.: 2005. 608 s.

6. Russkie romansy i pesni v perevode na francuzskij yazyk: uchebnoe posobie / sost. M. I. Sveshnikova. Astrahan': Izdatel'skij Dom «Astrahanskij universitet», 2014. 99 s.

7. Russkij romans. M., «Hudozhestvennaya literatura», 2008. 238 s.

8. Alexandre Pouchkine. Poésies. Traduction, choix et présentation de Louis Martinez. Paris, Gallimard, 2011. 333 p.

9. Anthologie de la poésie russe / éd. de Katia Granoff. P. aris, Gallimard, 2007. 537 p.

10. Dictionnaire du français moderne. Paris, Hatier, 1982. 832 p.

Информация об авторах:

М. И. Свешникова – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Е. И. Сернова – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

M. I. Sveshnikova – Ph.D. (Pedagogics), Associate Professor, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

E. I. Sernova – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 25.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 651.926

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДНОГО ЭКВИВАЛЕНТА И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СИНОНИМИИ ТЕРМИНОВ ФИНАНСОВО-КОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РУССКО-ПЕРСИДСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Элхам Парвизи Могоддам

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

st103133@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей переводного эквивалента и синонимических отношений терминов финансово-коммерческой сферы в русско-персидских лингвистических соответствиях. Рассматриваются отличие термина от общеупотребительного слова, специфика многоуровневого терминообразования, значение терминологических сочетаний, а также проблемы перевода с учётом внутренней формы слова [6], синтаксиса и культурологических особенностей. Практическая часть включает анализ 24 терминов и терминологических сочетаний в типичных употреблениях с обратным переводом и ссылками на этимологию по «Викисловарю» [1]. Особое внимание уделено экспериментальному приёму обратного перевода как лингвистическому эксперименту, направленному на выявление синонимических отношений, препятствующих точному переводу.

Ключевые слова: термин, переводной эквивалент, синонимия, финансово-коммерческая терминология, русско-персидские соответствия, обратный перевод, внутренняя форма слова

Для цитирования: Парвизи Могаддам Э. Проблемы переводного эквивалента и межъязыковой синонимии терминов финансово-коммерческой сферы в русско-персидских соответствиях // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 113–135.

**COMPARATIVE STUDIES
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 651.926

**PROBLEMS OF TRANSLATION EQUIVALENTS AND SYNONYMY
OF FINANCIAL AND COMMERCIAL TERMS IN RUSSIAN-PERSIAN
CORRESPONDENCES**

E. Parvizi Moghaddam

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

st103133@student.spbu.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of features of translation equivalents and synonymic relations of terms in the financial and commercial sphere within Russian-Persian linguistic correspondences. It examines the distinction between a term and a common-use word, the specifics of multi-level term formation, the significance of terminological phrases, as well as translation challenges considering the internal form of a word [6], syntax, and cultural characteristics. The practical part includes an analysis of 24 terms and terminological phrases with back-translation and references to etymology from Wiktionary [1]. Special attention is given to the experimental technique of back-translation as a linguistic experiment aimed at revealing synonymic competitions that hinder precise translation.

Keywords: term, translation equivalent, synonymy, financial and commercial terminology, Russian-Persian correspondences, back-translation, internal form of the word

For citation: Parvizi Moghaddam E. Problems of translation equivalents and synonymy of financial and commercial terms in russian-persian correspondences // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 113–135. (In Russ.).

Введение

Термин, употребляемый в финансах и коммерции, характеризуется точным и специализированным значением, позволяющим однозначно определить профессиональные понятия, процессы и объекты. В отличие от слов, используемых в повседневной речи, такие термины не подвержены расширению значений, включающему переносные, метафорические или контекстуальные оттенки. Например, слово *возврат* в быденном общении обозначает действие по глаголу *возвратить* или *возвратиться*, а в финансовом контексте – возврат ссуды, залога, денег, пошлин (т. е. только в особых сочетаниях, как *возврат пошлин*). Таким образом, если считать процесс перевода с одного языка на другой лингвистическим экспериментом, то внутренняя форма русского слова затрудняет эксперимент по переводу [6, с. 230].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Термины используются с высокой точностью: их трактовка определяется отраслевыми стандартами, нормами и соглашениями. *Актив* – это часть бухгалтерского баланса, отражающая ресурсную структуру организации; у понятия, выражаемого указанным термином, строго закреплённое значение в отечественной и международной финансовой номенклатуре. Такая точность способствует эффективности коммуникации, позволяя компактно передавать объёмную информацию, что особенно важно в финансовых операциях и документообороте [8].

По мнению В. Н. Немченко, отличительной особенностью термина является то, что он имеет профессиональное значение, обозначает определённое научное, производственное, техническое и т. п. понятие [3, с. 533].

В отличие от терминов, используемых в узких областях, слова общеупотребительного лексикона включают в себя широкий спектр значений и легко подвергаются метафорическому и оценочному толкованию. К показательным случаям такого использования относится слово *банк*, выступающее в различных устойчивых сочетаниях, например, *банк памяти* и *зелёный банк*. В показанных употреблении слово *банк* демонстрирует способность изменяться в особых стилистических и прагматических условиях, сохраняя при этом специальные и эвфемистические оттенки, указывающие на множественность его значений и контекстуальную гибкость [4, с. 510]. Уже усвоенный в общем употреблении однословный финансовый термин *банк*, обозначающий соответствующий институт, даёт такие метафорические переносы, которые затем в новых узких терминологических сочетаниях приобретают ещё большую специализацию, чем исходный термин.

В современном финансовом и коммерческом подязыке национальных языков терминология выходит за рамки простых слов. Она представлена многообразием терминологических сочетаний, образующих сложные конструкции: основные слова с зависимыми модификаторами.

Например, *гарантийный срок, коммерческий кредит, рыночная цена, гарантийное письмо* [3].

Такие терминологические сочетания отражают сложные сконструированные понятия, то есть специальные концепты, синтаксически организованные вокруг главного слова-термина, которое конкретизируется прилагательными, существительными в родительном падеже, деепричастиями и другими частями речи. Это обеспечивает большую точность и полноту обозначения явлений, которые, одним словом, выразить невозможно.

Например, *гарантийный срок* сочетание, в котором *срок* – термин времени, а *гарантийный* модифицирует его, указывая на вид срока, связанного с гарантией качества. Анализ лишь однословных терминов не позволяет охватить всей глубины семантики, оттенков значения и специфики профессиональной коммуникации. В сочетаниях рождается дополнительная семантика, возникают нюансы, часто создающие сложности при переносе на другой язык из-за различий в структуре словосочетаний и грамматике, что требует тщательного лингвистического и терминологического анализа.

Финансово-коммерческая сфера обладает рядом отличительных признаков, значительно влияющих на особенности терминологии и её перевод. Во-первых, это высокая динамичность: термины быстро меняются, адаптируются под актуальные экономические и рыночные условия, появляются новые понятия, а старые исчезают или меняют свой объём, а затем и содержание.

Во-вторых, финансовая терминология ориентирована на практическое применение – договоры, расчёты, операции – и поэтому часто содержит условности, связанные с локальными и культурологическими особенностями. В отличие от научных терминов, которые фиксируют объективные, универсальные для всех практических дисциплин и народов явления, финансовые термины сильно зависят от правовых, экономических, социокультурных условий конкретной страны. Например, понятия «гарантия», «кредит», «доверенность» в русском и персидском языках часто имеют разный уровень детализации и ассоциативности, о чём свидетельствуют уже соответствующие толкования [2].

Таким образом, при переводе терминов финансово-коммерческой сферы важен не только прямой эквивалент, но и полное понимание внутренней структуры, юридической базы, коннотаций и использования в профессиональной практике. Порой прямой эквивалент просто невозможен.

Термины в финансово-коммерческой лексике образуются преимущественно путём заимствования, калькирования, морфологическим или лексико-семантическим способом словообразования, а также синтаксическим способом – созданием терминологического словосочетания. Часто встречается образование новых терминов морфологическим способом с помощью морфем, например, префиксов и суффиксов, которые придают словам профессиональный оттенок: *доверенность* от *вера* > *верить* > *доверить* > *доверенный*. *Компенсация ущерба* – сочетание из двух слов с ясной семантикой, созданное по модели «сущ. + сущ. в форме род. п.».

Особое место занимают интернационализмы – слова, пришедшие из латинского, греческого, арабского или европейских языков (*актив, тариф, инвестор*), которые сохраняют общие корни и основные значения, но, в случае перевода на иные по происхождению слова, приобретают локальные оттенки. Например, слово *актив* в русском происходит от лат. *actus* – «действие», а в персидском *داری* (*darāyi*) происходит от корня, связанного с понятием «давать» и обозначает ресурсы или имущество. Образуется связь с внутренним концептом финансового ресурса, но через другую метафорическую модель. Интернационализм *актив* не распространился на персидскую терминологию.

Сложность представляет явление «ложных друзей переводчика» – слов, схожих по форме, но различающихся по смыслу в русском и персидском языках. Например, одно и то же слово заимствовано в обеих культурах, но меняет семантику или имеет неодинаковые коннотации. Это требует осторожности при подборе эквивалентов для сохранения точности передачи смысла.

При переводе финансово-коммерческих терминов с русского на персидский возникает ряд других существенных трудностей. Морфологическая и лексическая системы двух языков значительно различаются. Русский – флективный язык с богатой формальной словообразовательной системой, в

котором возможны многократные деривационные цепочки, сложные синтаксические модели.

Персидский же – аффиксальный, с более стабильной структурой, относительно меньшей продуктивностью словообразования и строго регламентированной синтаксической композицией. Например, в русском встречаются производные приставочные или короткие непроизводные слова – *возврат, баланс*, а также композиты (сложные слова с двумя корнями) – *торгово-промышленный, трудозатраты*, а в персидском для передачи аналогичных концептов используются многословные выражения или сложные терминологические сочетания.

К переводческим трудностям добавляются культурные и экономические различия: в Иране отсутствуют или отличаются по правовому регулированию многие понятия, поэтому перевод требует описательных эквивалентов, например, для передачи значения сочетания *коммерческий кредит* используется сложносоставное выражение *ىراجت ماو* (vam tejari).

Важное значение имеет понятие внутренней формы слова [6, с. 320] – лексической основы и смысла, «скрытого» за внешним звуковым выражением словоформы, но мотивирующего её появление в качестве производящего слова. Успешный перевод требует сопоставления внутреннего содержания понятий в русском и персидском языках.

Практический и эффективный метод выявления проблем перевода – приём обратного буквального поэлементного перевода термина, предложенный нами как эксперимент вслед за общими положениями Л. В. Щербы о пользе эксперимента в языкознании [10]. Такой приём позволяет отследить двусмысленности, синонимические конфликты и ошибки, выявить неточности эквивалентов.

Покажем материал прямого и обратного перевода термина. В качестве исходного контекста приводится типовое усреднённое употребление, широко представленное в финансовой документации. Точные цитаты приведены быть

не могут, поскольку эти документы не опубликованы, наш опыт работы с ними позволяет опираться на приведённые примеры. При анализе терминов использовались данные словарей: [1; 2; 7; 9].

Для иллюстрации методологии анализа языковых явлений, включая термины, приведём цитаты из Л. В. Щербы:

«В сущности, можно сказать, что работа каждого неопита данного коллектива, усваивающего себе язык этого коллектива, т. е. создающего у себя речевую систему на основании языкового материала этого коллектива (ибо никаких других источников у него не имеется), совершенно тождественна работе учёного исследователя, выводящего из того же языкового материала данного коллектива его языковую систему, только одна протекает бессознательно, а другая – сознательно.

Скажу только, что понимание при отсутствии переводов может начинаться лишь с того, что два человека с одинаковым социальным прошлым, естественно или искусственно (научно) созданным, будучи поставлены в одинаковые условия деятельности и момента, возымеют одну и ту же мысль (я имею в виду реальное столкновение двух людей, лишённых каких бы то ни было средств взаимного непосредственного понимания и перевода, например, европейского исследователя и, скажем, южноамериканского примитива в естественных условиях жизни этого последнего).

Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах¹, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд

¹ В нашем случае «новыми фактами» являются персидские переводы русских терминов.

разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нём.

Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т. п. <...>

В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество – с теоретической точки зрения – изучения живых языков. Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря. Ведь надо иметь в виду, что в «текстах» лингвистов обыкновенно отсутствуют неудачные высказывания, между тем как весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой «так не говорят», которые мы будем называть «отрицательным языковым материалом». Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно ещё не оценена в языкознании, насколько мне известно» [10, с. 134–140]. Не совсем удачные переводы (при невозможности более удачных) мы и будем считать очень полезным «отрицательным языковым материалом» нашего переводного эксперимента.

I. В русском 1 слово = в персидском 1 слово

1. *Актив*

- Русский термин: *актив* (от лат. *activus* «действующий», от *actus* «действие», *agere* «делать, действовать»). В финансовой сфере – имущество, принадлежащее компании или частному лицу.

- Персидский эквивалент: دارایی (iyârâd).

- Анализ эквивалента: Существительное. Образовано от корня d) د-ر (d-r) со значением «иметь, владеть, обладать» (ср. русское «да-ть», «да-р» – важное

генетическое сходство). Суффикс) ی-ای (âyî) образует отглагольные существительные. Буквально: «то, что дано, имеется, владение, собственность».

- Пример и комментарий: *Финансовые активы – из финансов государства...* → از منابع مالی دولت -های مالی ای‌ای‌اراد

- Вывод: Внешнее соответствие. Русский термин акцентирует идею *действия* (работающее, приносящее доход имущество), персидский – идею *владения*. Семантическое расхождение внутренней формы не мешает точной внешней терминологической эквивалентности.

2. Ресурс

- Русский термин: *ресурс* (от фр. *ressource* «вспомогательное средство» < лат. *resurgere* «подниматься снова», от *re- «снова», *sub-* «под», *regere* «править, направлять»).

- Персидский эквивалент: من بـع (abnam).

- Анализ эквивалента: существительное, заимствовано из арабского. Корень n) ب ع ن-b-' связан с идеей источника, родника, места происхождения чего-либо.

- Пример и комментарий: *Финансовые ресурсы (активы) – из финансов...*

- Вывод: Внешнее соответствие. Как это было отмечено для термина *актив*, русское слово содержит образ «вспомогательного средства для дальнейшего оборота», персидское – образ «данной, имеющейся в наличии опоры/источника». Внутренняя форма разная, терминологическая функция идентична.

3. Баланс

- Русский термин: *баланс* (из фр. *balance* «весы; равновесие», от лат. *bilancia* «весы», *bis* «дважды», *lanx* «чашка»).

- Персидский эквивалент: تـوازن (nuzâvat).

- Анализ эквивалента: существительное арабского происхождения. Корень v) ن ز ن-z-n означает «взвешивать». Форма (lu'âfat) تـوازن передает

значение взаимности, уравнивания друг друга. Буквально: «взаимное взвешивание, уравнивание».

- Пример и комментарий: ...но финансового баланса никто не хочет достигать. → خواه توازن مالی برقرار کند. (он...оговоснаниф он...). (هیچ... نمی‌خواهد به تعادل مالی برسد).
равновесия никто не хочет добиваться).

- Вывод: Внешнее соответствие. Русский заимствованный термин не получил внутренней формы, персидский её сохраняет, что позволяет использовать его как синоним слову *равновесие* без потери точности.

4. Безвозмездно

- Русский термин: *безвозмездно* (образовано от *возмездие* (устар. «вознаграждение»), восходит к *мъзда* – «плата, награда» (ср. авест. *mižd-ənt*, осет. *mizd*)).

- Персидский эквивалент: رایگان (nâgyâr).

- Анализ эквивалента: Наречие/прилагательное. Образовано от основы رای (rây) («мнение, решение; даром») + суффикс گان (-gân), образующий прилагательные. Корень r) و ی (v-y) связан с идеей мысли, решения. Исторически значение «даром» связано с «подать на усмотрение», «без фиксированной платы». Буквально: «согласно (собственному) решению», то есть «без требования платы».

- Пример и комментарий: ...мы добавляем ему 300 тысяч – безвозмездно, то есть даром. → رایگان، یعنی بدون کم‌ترین مبادله و یا به‌طور رایگان ۳۰۰ هزارم... → ای. هیچ نه هیچ

- Вывод: Прямое соответствие. Оба слова имеют стёртую, но прослеживаемую внутреннюю форму, связанную с отсутствием платы/вознаграждения.

5. Бесплатно

- Русский термин: *бесплатно* (образовано от *плата*, слав. корень, родственный лат. *plācere* «нравиться», греч. *платос* «широкий»).

- Персидский эквивалент: مجانی (inâjam).

- Анализ эквивалента: Прилагательное/наречие арабского происхождения. Корень j) ي ن ج-n-y) означает «собирать, пожинать (урожай)». Слово مجانى означает «без платы, даром», исходно – «то, что даётся как бы из собранного урожая», т. е. без непосредственного расчёта.

- Используется как синоним к *безвозмездно*.
- Вывод: Синонимичный ряд в русском (*безвозмездно, даром, бесплатно*) находит точное соответствие в персидском (هنزه نودب, یناجم, ناگیار). Выбор зависит от стиля.

6. Дефект

- Русский термин: *дефект* (от лат. *defectus* «недостаток, убыль», от *de-ficere* «от-падать, изменять, оставлять»).

- Персидский эквивалент: نقص (sqan).
- Анализ эквивалента: Существительное арабского происхождения. Корень n) ن ق ص-n-q-s) означает «уменьшаться, убавляться, иметь недостаток».

- Пример и комментарий: ...*по причине дефектов вычислительной техники*... → ...یتابساحم تا زی هجت رد صقن لی لد هب... →

- Вывод: Синонимическое соответствие. Арабско-персидский термин передаёт идею неполноты, недостатка, латинско-русский – идею изъяна, ущербности, порчи. Но эти различия не имеют принципиального значения.

7. Недочёт

- Русский термин: *недочёт* (образовано от *чёт*, ср. *счёт, считать*. Буквально: «то, что не досчитали, упущение при подсчёте»).

- Персидский эквивалент: كاسد تی (itsâk).
- Анализ эквивалента: Существительное от глагола كاسد تن (natsâk) – «уменьшать, убавлять». Буквально: «уменьшение, недостача».

- Комментарий: Используется как синоним к *дефект*.
- Вывод: В данном контексте *недочёт* выступает как стилистический синоним к *дефекту*, и персидское كاسد تی или نقص adequately передают это значение.

8. Доставка

- Русский термин: *доставка* (от *до-ста-в-и-ть*, корень *ста-/сто-*, связанный с идеей стояния, установления).
- Персидский эквивалент: *تحويل (livhat)*.
- Анализ эквивалента: Существительное арабского происхождения. Корень *h) ل و ح -v-l* означает «меняться, превращаться, переходить из рук в руки». *تحويل* – это имя действия, означающее «передачу, вручение, сдачу (чего-либо)».
- Пример и комментарий: ...занимаетесь доставкой грузов... → *هزارا ملوم حم... دهيد... می لی وحت...*
- Грамматический комментарий: Трудностей в понимании лексического значения нет. Однако русское отглагольное существительное *доставка* переводится глагольной конструкцией *می دهیدتحويل* («вы передаёте»). В персидском связь с глаголом более тесная. Форма *تحويل دادن* является составным глаголом, где *تحويل* – это имя действия (масдар), выполняющее роль глагольной основы. Строго говоря, герундия в индоевропейском понимании в персидском нет, но именно масдар часто используется для образования подобных конструкций, грамматикализуя связь имени с действием. Такое соответствие можно назвать неграмматическим.

9. Тариф

- Русский термин: *тариф* (заимств. через нем. или фр. из итал. *tariffa*, от араб. *(fir'at) ف ع ر ف -r-f* «знать, ведать»).
- Персидский эквивалент: *تعارف (efer'at)*.
- Анализ эквивалента: Существительное, заимствованное из того же арабского источника. Буквально: «ставка, цена, подлежащая объявлению».
- Пример и комментарий: ...более льготный тариф... → *بولطم مفرعت... تری...*

- Вывод: Оба языка усвоили один и тот же арабизм. Общее терминологическое значение сохранилось, трудностей в переводе нет. Такое соотношение можно назвать тождественным.

10. Отказ

- Русский термин: *отказ* (от *казать* – «говорить», первоначально «ответ», затем с усилением приставки *от-* семантическим признаком отрицания).

- Персидский эквивалент: رد (dar).

- Анализ эквивалента: Непроизводное существительное (или имя действия от глагола (nadrak dar) رد کردن). Имеет значение «отклонение, отсылка назад, неприятие».

- Пример и комментарий: ...но получили отказ в предоставлении кредита... → دش یراددوخ ماو تفایرد زافقیثو نودب اما... (...но без обеспечения в выдаче кредита было отказано).

- Комментарий: Лексическое значение не меняется, но в персидском примере происходит грамматическая трансформация: русское существительное *отказ* передаётся возвратной глагольной формой خودداری شد («было воздержано, отказано»). Это подтверждает тенденцию персидского к более глагольному оформлению высказывания в подобных контекстах. Неграмматическое соответствие.

II. В русском 1 слово = в персидском 2 слова и больше

11. Аккредитив

- Русский термин: *аккредитив* (от нем. *Akkreditiv* через фр. *accréditif*, от лат. *ac-cred-ere* «оказывать доверие»).

- Персидский эквивалент: نامه ضمانت (nâme) - اء ت بار نامه (râbete) - نامه (nâme) – синоним, но чаще «гарантийное письмо».

- Анализ эквивалента: Композит (râbete) اء ت بار – «доверие, кредит» (от араб. корня ر ب ر (b-r) «переходить», отсюда «нечто, имеющее вес, значение») + (emân) نامه – «письмо, документ». Буквально: «документ, основанный на доверии».

- Пример и комментарий: ...*аккредитив и гарантия*. → و ممان رابت عا ...
نامه. ضمانات

- Вывод: Русский интернационализм переводится описательным, но устоявшимся термином, точно раскрывающим его суть. Однако как-либо классифицировать соответствия при передаче слова словосочетанием, словосочетания словом или словосочетания словосочетанием затруднительно.

12. Аннулировать

- Русский термин: *аннулировать* (от лат. *annullare* «уничтожать», от *ad-* ‘к’ + *nullus* «никакой»).

- Персидский эквивалент: ل غو ک ردن (nadrak vghal).

- Анализ эквивалента: Глагольная конструкция. (vghal) ل غو – существительное арабского происхождения (корень l) و ل-gh-v со значением «пустой, недействительный») + (nadrak) ک ردن – «делать». Буквально: «делать недействительным».

- Пример и комментарий: ...*вправе аннулировать полученную... визу*... → دنک وغل ... ار ... یازی و دراد قح...

- Грамматический комментарий: Русский глагол передаётся стандартной для персидского языка аналитической глагольной конструкцией «имя действия + кардан». Это грамматическая норма для многих заимствованных или абстрактных действий.

13. Возврат

- Русский термин: *возврат* (от «вращать», корень -*вращ-/-(в)рат-*, связанный с круговым движением).

- Персидский эквивалент: س دادن (sâp dâdan).

- Анализ эквивалента: Глагольная конструкция. (sâp) س – наречие/предлог «назад, после» + (nadâd) دادن – «дать». Буквально: «дать назад».

- Пример и комментарий: ...*банкротство и возврат денег*... → ...ل و پ نداد س و ی گتس کشرو...

- Вывод: Можно отметить, что персидский термин более обобщённый («дать назад») против русского с идеей циклического движения («вернуть на круг»). Это может ослаблять прагматический эффект.

14. Доверенность

- Русский термин: *доверенность* (от *вера*, *доверять*).
- Персидский эквивалент: نامه تالاکه (talakev) – نامه (nâme).
- Анализ эквивалента: Композит. (talakev) وکالت – «представительство, поручение» (от араб. корня v) وکال (k-l) «полагаться, доверять, назначать поверенного» + (emân) نامه – «письмо». Буквально: «документ на представительство».

- Пример и комментарий: *Для получения товара требуется доверенность от организации.* → تسایں دروم نامزاس یوس زا همان تلاکو، الاک تفایرد یارب.

- Вывод: Прямое и точное соответствие. Оба термина основаны на идее доверия и юридического поручения.

15. Доплата

- Русский термин: *доплата* (от *плата*, приставка *до-* привносит значение дополненности).

- Персидский эквивалент: اضافہ بہا (âhab efâze).
- Анализ эквивалента: Композит. (efâze) اضافہ – «добавление, прибавление» (араб. корень z) ض ی ف (y-f) «прибавлять») + (âhab) بہا – «цена, стоимость» (перс.). Буквально: «добавочная цена».

- Пример и комментарий: *...доплаты, надбавки...* → من یزہ کمک، اہب ہفاض... ہا.

- Вывод: Персидский термин ярче выражает идею добавления к цене, но размывает грань между самой процедурой платежа и количественным понятием.

16. Инвестор

- Русский термин: *инвестор* (от англ. *investor*, от лат. *investire* «облачать, облекать (властью)», в финансовом смысле – «вкладывать капитал»).

- Персидский эквивалент: گ-زار (gozâr) سرمایه eyâmras).
- Анализ эквивалента: Композит. سرمایه (eyâmras) سر – «капитал» (от سر (sar) «голова, начало» + (eyâm) پایه «основа, фонд») + گ-زار (râzog) – от глагола (nathsâzog) گذاشتن «ставить, помещать». گ-زار действует как суффикс со значением «помещающий, вкладывающий».
- Пример: *Иностранные инвесторы проявляют интерес к рынку.* → هی‌امرس دهند. گ-زاران خارجی به بازار علاقه نشان می‌دهند.
- Вывод: Персидский термин прозрачен и мотивирован («вкладывающий капитал»), что усиливает содержание соответствующего понятия и воспринимаемую ответственность по сравнению с интернационализмом.

17. Компенсация

- Русский термин: *компенсация* (от лат. *com-pensatio* «возмещение, уравнивание», от *com-* «с, вместе» + *pensare* «взвешивать»).
- Персидский эквивалент: e khesârat) چ-بران خسارت (nârboj).
- Анализ эквивалента: Устойчивое словосочетание. چ-بران (jobrân) – «возмещение, компенсация» (араб. корень j) ب-ر (b-r) «исправлять, восстанавливать») + خسارت (tarâsehk) – «ущерб, убыток» (араб. корень س-ر-خ (kh-s-r) «терять, нести ущерб»). Буквально: «возмещение ущерба».
- Пример и комментарий: ...размер компенсации → ...تراسخ نار بج غلبم.
- Вывод: В персидском внутренняя форма ясна – компенсируется именно ущерб, что делает термин более конкретным.

18. Просрочка

- Русский термин: *просрочка* (от *срок*, «нахождение за сроком»).
- Персидский эквивалент: kard) دیر رک-rid).
- Анализ эквивалента: Композит. (rid) دیر – «поздно» + (drak) رک – имя действия от *кардан* («делать»). Буквально: «опоздание, запоздалое действие».
- Пример и комментарий: *Рост просрочек по выплатам...* → ...ماو درکری دشر هـ.

- Вывод: Можно отметить, что персидский термин не выражает зависимого характера от устанавливающей срок стороны (банка), он более нейтрален и описывает сам факт задержки.

III. В русском 2 слова = в персидском 2 слова и больше

19. *Вес брутто*

- Русский термин: *Вес брутто* (от итал. *peso lordo, lordo* – «грязный, неочищенный»). Полукалька.

- Персидский эквивалент: *nzav* وزن ذخالص-e *nâkhâles*).

- Анализ эквивалента: *(nzav)* وزن – «вес» (араб.) + *ân* ذخالص-*khâles*) – «нечистый». (*selâhk*) خالص – «чистый» (араб. корень *hk*) ل خ-l-s)).

Приставка *ân* ذ-^ا) означает «не-».

- Пример и комментарий: ...*общий вес брутто*... → ...لک صلخا ان نزو...

- Вывод: Персидский термин является точной калькой итальянского оригинала, полностью раскрывает внутреннюю форму («нечистый вес»), тогда как русский частично заимствует, частично калькирует.

20. *Гарантийный срок*

- Русский термин: *гарантийный срок* (калька с немецкого или французского).

- Персидский эквивалент: *taddom* مدت ضمانت-e *zemânat*).

- Анализ эквивалента: *(taddom)* مدت – «срок, период» (араб.) + *ضمانت* (*zemânat*) – «гарантия» (араб. корень *z*) م ن ض-m-n) «ручаться, гарантировать»).

Буквально: «срок гарантии».

- Пример и комментарий: *Гарантийный срок хранения*... → تنامض تدم
ماذ دگ اری...

- Вывод: В персидском происходит инверсия компонентов: определяемое слово («срок») ставится на первое место, а определяющее («гарантии») – на второе, образуя изафетную конструкцию. Это делает термин грамматически более ярким для носителя персидского языка.

21. *Коммерческий кредит*

- Русский термин: *коммерческий кредит* (калька).
- Персидский эквивалент: *âv* وام ت جاری *m-e tejâri*).
- Анализ эквивалента: *(mâv)* وام – «заём, ссуда» (перс.) + *(irâjet)* جاری – «коммерческий» (араб. корень *t* ر ج ت-j-r) «торговать»).
- Пример и комментарий: *...коммерческий кредит является... средством...* → ای ... است. بل یس و یراجت ماو... →
- Вывод: Можно сделать интересное наблюдение о точке зрения: русский «кредит» – с позиции дающего, персидский وام – с позиции берущего («заём»). Это тонкий, но важный нюанс.

22. Третья сторона

- Русский термин: *Третья сторона*.
- Персидский эквивалент: *shkahs* شخص ثالث *-e sâles*).
- Анализ эквивалента: *(shkahs)* شخص – «лицо, индивид» (араб.) + *ثالث* (sâles) – «третий» (араб.).
- Пример и комментарий: *...скрытая... третья сторона.* → صخ ش کی... → ثالث پ نهان...
- Вывод: Согласно комментарию, شخص в персидском юридическом дискурсе более официально и подчёркивает персональность, чем русское *сторона*, которое может пониматься и как организация.

23. Рыночная цена

- Русский термин: *рыночная цена*.
- Персидский эквивалент: *tamyehg* بازار قیمت بازار *bâzâr*) или *nerkh-e bâzâr* (nerkh-e bâzâr).
- Анализ эквивалента: بازار قیمت *(tamyehg)* / نرخ *(hkren)* – «цена» (араб.) + بازار *(bâzâr)* – «рынок» (перс.).
- Комментарий: Персидское слово بازار было заимствовано в русский язык через тюркское посредство и сузило значение до «базар» (как место торговли). Поэтому в русском финансовом термине используется слово *рыночная* (от

рынок – заимствовано из герм. через западнослав. языки), а не *базарная. В персидском же بازار сохранило широкое значение «market».

IV. В русском 2 слова = в персидском 1 слово

24. Счёт-фактура

- Русский термин: *счёт-фактура* (составной термин, *фактура* от итал. *fattura* «счёт, накладная»).
- Персидский эквивалент: فاکتور (rotkâf).
- Анализ эквивалента: Заимствование из английского (*factor* в значении «посредник», но здесь – из немецкого/французского *Faktur/Facture* в значении «накладная»). В персидском универсально означает «счёт, накладная, квитанция».
- Пример и комментарий: ...накладная и счёт-фактура... → لیوحت دی سر... و فاکتور...
- Вывод: Русский термин является точным, но громоздким обозначением документа, часто воспринимаемым как единое целое (комполит). Персидский использует краткий интернационализм, что удобнее. Данный тип соотношения действительно менее характерен, так как персидский часто стремится к пояснительным калькам или использованию арабских корней, но в случае устоявшихся интернационализмов делает исключение.

Заклучение

Анализ русско-персидских корреспонденций в финансово-коммерческой лексике выявляет значительные лингвистические, культурные и терминологические преграды, препятствующие появлению приемлемых переводных эквивалентов. Главной задачей сопоставления становится исследование не только внешней формальной стороны, но и глубинных сущностных особенностей – внутренней формы по А. А. Потемне, морфолого-семантической структуры и грамматико-синтаксической конституции рассматриваемых языков.

В случае одно-однословных соответствий удаётся выстроить их классификацию: тождественные, прямые, внешние, синонимические, неграмматические. Более сложные структуры эквивалентов не позволяют пока произвести подобную классификацию.

Многоуровневый анализ демонстрирует, что обеспечение высокой степени точности является обязательным в финансовой лексике, поскольку любые искажения или ошибки вызывают существенное непонимание в деловом общении и юридической практике. Метод обратного перевода по общему принципу эксперимента Щербы помогает обнаружить латентные конфликты синонимов, обеспечивая достоверность предстоящей передачи информации.

Доскональный разбор 24 терминов и словосочетаний, приведённых в данной работе, демонстрирует, что успешный перенос финансовых терминов с русского на персидский требует тщательного учёта лингвистического, культурного и профессионального контекста, который определён структурными особенностями термина и наличием межъязыковых терминологических синонимов.

Список литературы:

1. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 01.10.2025).
2. МАС – Малый академический словарь / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.10.2025) (многоязычный словарь с русским языком).
3. Немченко В. Н. Введение в языкознание. М., Дрофа, 2008. 704 с.
4. Парвизи Могаддам Э. М. Проблема перевода русской коммерческой терминологии на персидский язык // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Ч. 2. С. 509–516.
5. Парвизи Могаддам Э. М. Эквивалентность русской и персидской бизнес-терминологии // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Ч. 2. С. 360–369.

6. Потебня А. А. Мысль и язык. СПб., 1878. 456 с.
7. СФЭТ – СЛОВАРЬ финансово-экономических терминов / Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1054352> (дата обращения: 01.10.2025).
8. Хосейн Голами, Араш Голандам Карим. Заимствования и абсолютные синонимы в русском и персидском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 1. С. 190–194.
9. Шаркова А. В., Килячков А. А., Маркина Е. В. Словарь финансово-экономических терминов. М.: Дашков и К, 2015. 1168 с.
10. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1957. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

References:

1. Wikislovar`. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (data obrashheniya: 01.10.2025).
2. MAS – Maly`j akademicheskij slovar` / Institut russkogo yazy`ka im. V. V. Vinogradova RAN. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (data obrashheniya: 01.10.2025) (mnogoyazy`chny`j slovar` s russkim yazy`kom).
3. Nemchenko V. N. Vvedenie v yazy`koznanie. M., Drofa, 2008. 704 s.
4. Parvizi Mogaddam E`. M. Problema perevoda russkoj kommercheskoj terminologii na persidskij yazy`k // Prepodavatel` XXI vek. 2024. № 1. Ch. 2. S. 509–516.
5. Parvizi Mogaddam E`. M. E`kvivalentnost` russkoj i persidskoj biznes-terminologii // Prepodavatel` XXI vek. 2023. № 2. Ch. 2. S. 360–369.
6. Potebnya A. A. My`sli i yazy`k. SPb., 1878. 456 s.

7. SFE`T – SLOVARb finansovo-e`konomicheskix terminov / Prezidentskaya biblioteka im. B. N. El`cina. URL: <https://www.prilib.ru/item/1054352> (data obrashheniya: 01.10.2025).

8. Xosejn Golami, Arash Golandam Karim. Zaimstvovaniya i absolyutny`e sinonimy` v russkom i persidskom yazy`kax // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2015. № 12 (54). Ch. 1. S. 190–194.

9. Sharkova A. V., Kilyachkov A. A., Markina E. V. Slovar` finansovo-e`konomicheskix terminov. M.: Dashkov i K, 2015. 1168 s.

10. Shherba L. V. O troyakom aspekte yazy`kovy`x yavlenij i ob e`ksperimente v yazy`koznanii // Izbranny`e raboty` po yazy`koznaniyu i fonetike. L., 1957. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm> (data obrashheniya: 01.10.2025).

Информация об авторе:

Э. Парвизи Могаддам – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Information about the author:

E. Parvizi Moghaddam – graduate student, Saint Petersburg State University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 24.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 37.02

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ: ВЕКТОР К ФОРМИРОВАНИЮ ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ**

Анна Сергеевна Лазарева

Академия корпоративного обучения, Москва, Россия

lazareva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли цифровой трансформации в формировании плюрилингвальной компетенции взрослых обучающихся в условиях корпоративного обучения. Показано, что внедрение цифровых инструментов, адаптивных платформ и технологий искусственного интеллекта трансформирует методику преподавания иностранных языков, усиливая межкультурную гибкость, когнитивную активность и способность к осознанному управлению многоязычным репертуаром. Особое внимание уделено влиянию лингвистической безопасности, индивидуализации траекторий, цифровой обучающей среды и когнитивно-коммуникативных методик на повышение эффективности обучения. На основе анализа данных корпоративных программ (2019–2025) выявлены значимые позитивные тенденции: рост мотивации, увеличение объёма самостоятельной практики и ускорение формирования многоязычного словаря. Новизна исследования заключается в теоретическом обосновании концепта цифрово-опосредованной плюрилингвальной компетенции как интегративного феномена, сочетающего языковые, когнитивные, технологические и профессиональные компоненты.

Ключевые слова: цифровая трансформация, плюрилингвальная компетенция, искусственный интеллект, цифровые инструменты, корпоративное обучение, трансязыковая коммуникация

Для цитирования: Лазарева А. С. Цифровая трансформация обучения иностранным языкам: вектор к формированию плюрилингвальной компетенции // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 4 (12). С. 136–150.

LINGUODIDACTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 37.02

DIGITAL TRANSFORMATION OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING: A VECTOR TOWARDS THE FORMATION OF PLURALINGUAL COMPETENCE

Anna S. Lazareva

Academy of Corporate Training, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the role of digital transformation in shaping the plurilingual competence of adult learners within the context of corporate training. It is demonstrated that the integration of digital tools, adaptive platforms, and artificial intelligence technologies transforms foreign language teaching methods by enhancing cross-linguistic flexibility, cognitive engagement, and the ability to consciously manage a multilingual repertoire. Particular attention is given to the impact of linguistic safety, individualized learning trajectories, digital learning environments, and cognitive-communicative methodologies on improving training effectiveness. Based on the analysis of corporate program data (2019–2025), significant positive

trends were identified, including increased motivation, greater independent learner activity, and accelerated development of multilingual vocabulary. The novelty of the study lies in the theoretical substantiation of the concept of digitally mediated plurilingual competence as an integrative phenomenon combining linguistic, cognitive, technological, and professional components.

Keywords: digital transformation, plurilingual competence, artificial intelligence

For citation: Lazareva A. S. Digital transformation of foreign language teaching: a vector towards the formation of plurilingual competence // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 4 (12): 136–150. (In Russ.).

Введение

В условиях цифровой экономики владение несколькими иностранными языками становится важнейшим компонентом корпоративного лингвистического капитала, понимаемого как совокупность языковых ресурсов организации, обеспечивающих её конкурентоспособность на международных рынках [11]. Плюрилингвальная компетенция трактуется как интегративная способность личности использовать совокупный языковой репертуар в профессиональных и межкультурных контекстах, опираясь на взаимодействие языков в сознании обучающегося [12; 14]. Она становится формой интеллектуального и профессионального капитала, поскольку обеспечивает сотруднику способность быстро ориентироваться в речевых ситуациях, анализировать многоязычную информацию.

В корпоративном обучении взрослых плюрилингвальная компетенция проявляется как готовность к эффективному профессиональному взаимодействию в многоязычной среде, базирующаяся на развитой когнитивной гибкости, умении прогнозировать речевые действия партнера, адаптировать собственное высказывание и осуществлять межъязыковой перенос [6]. Согласно авторскому определению, данная компетенция

представляет собой интегративную характеристику личности, основанную на способности осмысленно и эффективно использовать совокупность освоенных языков в профессионально-ориентированной многоязычной среде, где языки не существуют изолированно, а взаимодействуют в едином когнитивно-семиотическом репертуаре.

Такое понимание принципиально расширяет традиционное толкование языковой компетенции, делая акцент не на количестве выученных языков, а на способности сотрудника управлять собственным лингвистическим репертуаром, корректировать речевые стратегии в соответствии с профессиональными задачами. Плюрилингвальная компетенция включает также владение механизмами межъязыкового анализа, прогнозирования коммуникативных рисков, интерпретации неоднозначных сообщений и трансформации информации для нужд делового взаимодействия.

В контексте корпоративной деятельности это выражается в том, что обучающийся способен и выбрать оптимальный язык или комбинацию языков для решения задачи, и адаптировать коммуникацию в зависимости от целей взаимодействия, статуса собеседника, международных норм делового дискурса.

Особенно значимой компетенция становится в условиях работы с большими потоками мультязычных данных – документами, презентациями, цифровыми отчётами, международной корреспонденцией. Развитая способность к межъязыковому переносу и интерпретации позволяет сотруднику минимизировать смысловые потери, эффективно согласовывать позиции сторон и избегать коммуникативных рисков. Таким образом, плюрилингвальная компетенция выступает фундаментальным элементом профессиональной дееспособности современного корпоративного специалиста.

Теоретическое обоснование исследования

Исследования отечественных учёных (К. Э. Безукладников, А. А. Прохорова [1], Е. П. Глумова, Е. Д. Кораблева [2; 3], А. С. Лазарева [6], И. Ю. Павловская [9], А. А. Прохорова, А. С. Лазарева, К. Э. Безукладников [10]) и

зарубежных авторов (U. Jessner, R. Godwin-Jones) демонстрируют, что интеграция искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых средств создаёт принципиально новые условия для развития межкузыковой гибкости и метаязыкового мышления. Инструменты искусственного интеллекта системы автоматической обратной связи, адаптивные обучающие платформы, мультязычные ассистенты – не только ускоряют освоение языковых структур, но и расширяют возможности для анализа и сопоставления языков, что способствует формированию осознанных стратегий межкузыкового взаимодействия [13].

В российской методической традиции значение данной компетенции усиливается в связи с изменением требований к квалификации работников: современные организации функционируют в условиях постоянного взаимодействия с международными партнерами, участниками глобальных цепочек поставок, распределёнными командами. Это требует от сотрудников способности использовать их в совокупности, осуществлять межкузыковую переработку информации, работать в условиях многоканальной цифровой коммуникации. Исследования Л. П. Халапиной, Е. В. Шостак [11] подтверждают, что именно плюрилингвальное развитие способствует росту профессиональной гибкости, расширению когнитивных стратегий и повышению мотивации взрослых обучающихся.

Цифровые экосистемы корпоративного обучения включают использование интерактивных платформ (Skyeng B2B, iSpring Learn), инструментов автоматической коррекции речи (Орфограммка), нейросетевых переводчиков (PROMT.One, Яндекс Переводчик) и интеллектуальных ассистентов (GigaChat, YandexGPT), обеспечивающих адаптивные траектории обучения, автоматизированную обратную связь, персонализированные упражнения и возможности моделирования реальных профессиональных ситуаций высокой степени сложности. Встраивание таких инструментов позволяет не только оптимизировать процесс усвоения лексико-

грамматических структур, но и формировать у сотрудников навыки анализа, отбора и преобразования информации в режиме реального времени.

Применение цифровых решений усиливает субъектную позицию обучающегося, что соответствует принципам андрагогики (М. Ноулз), согласно которым взрослый обучающийся характеризуется выраженной потребностью в самостоятельности, ориентацией на практическую значимость материала и способностью к рефлексии. В сочетании с компетентностным подходом это обеспечивает развитие таких ключевых характеристик, как способность к самообучению, межкузыковому сопоставлению, критическому осмыслению цифрового контента и выбору оптимальных стратегий для решения профессиональных задач.

Одним из значимых аспектов цифровой трансформации является использование технологий искусственного интеллекта для анализа речевых данных, прогнозирования языковых потребностей сотрудников и построения индивидуализированных траекторий обучения. ИИ-модели позволяют автоматически адаптировать учебные материалы под уровень обучающегося, формировать задания с учётом отраслевой специфики (финансы, логистика, IT, промышленность), а также оценивать уровень сформированности плюрилингвальной компетенции по нескольким параметрам: речевым, межкузыковым, когнитивным и стратегическим.

Несмотря на значительный потенциал цифровых инструментов и технологий искусственного интеллекта в формировании плюрилингвальной компетенции, их использование сопряжено с рядом рисков, которые требуют методической регуляции и осознанного педагогического сопровождения. Во-первых, существует риск когнитивной зависимости, возникающей в ситуациях, когда обучающиеся начинают полагаться на ИИ как на первичный источник решения языковых задач. При чрезмерной опоре на автоматизированные подсказки и корректирующие механизмы у взрослых обучающихся снижается степень внутренней когнитивной активности: замедляется формирование

собственных стратегий смыслового анализа, интерпретации и прогнозирования. Когнитивная нагрузка перераспределяется в пользу внешнего инструмента, что уменьшает глубину усвоения материала и может препятствовать развитию автономности, являющейся ключевым компонентом андрагогики.

Во-вторых, цифровое сопровождение может приводить к угасанию навыков самостоятельного анализа и критического мышления. Если обучающийся привык получать мгновенные ответы, исправления или готовые формулировки от ИИ, постепенно снижается потребность в самостоятельном поиске решений, сопоставлении вариантов, обращении к межкузыковым ресурсам. Это особенно опасно в условиях корпоративного обучения, где профессиональная коммуникация требует высокой степени интерпретационной точности, гибкого выбора языковых средств и способности критически оценивать информацию, поступающую из разных источников.

В-третьих, цифровизация усиливает необходимость методической фильтрации цифрового контента, поскольку не все ИИ-генерируемые материалы соответствуют требованиям профессионального дискурса, отраслевой специфике и лингвистическим нормам. Преподаватель должен выполнять роль медиатора между обучающимся и цифровой средой: отбирать релевантные задания, корректировать ошибки алгоритмов, обеспечивать соответствие материалов целям курса. Без педагогической фильтрации высок риск появления лингвистически некорректных моделей, необоснованных упрощений или культурно неадекватных формулировок, что может негативно повлиять на формирование плюрилингвальной компетенции и лингвистической безопасности.

Таким образом, интеграция ИИ должна рассматриваться как фактор, требующий развития методических стратегий регулирования, направленных на предотвращение когнитивных и дидактических рисков, укрепление автономности обучающихся и обеспечение качества цифрового образовательного процесса. Благодаря цифровым экосистемам обучающийся

получает возможность безопасно экспериментировать с языками, фиксировать динамику собственного прогресса и формировать персональные траектории освоения материалов. Это повышает устойчивость, гибкость и результативность образовательного процесса, усиливая потенциал плюрилингвальной компетенции как ключевого ресурса современного корпоративного развития.

В условиях цифровой трансформации корпоративное обучение строится на комплексе организационно-дидактических условий, включающих обеспечение лингвистической безопасности, формирование иноязычной корпоративной обучающей среды, индивидуализацию образовательных траекторий и интеграцию когнитивно-коммуникативных технологий [4; 5; 7; 8]. Лингвистическая безопасность корпоративного обучающего пространства означает создание таких условий, при которых языковые ошибки, неопределённость и многозначность не препятствуют профессиональной коммуникации, а превращаются в ресурс анализа и развития.

Формирование лингвистической безопасности невозможно без системы педагогических условий: плюрилингвизма, индивидуального сопровождения, аксиологического и дифференцированного подходов. Плюрилингвизм нормализует многоязычие и формирует способность воспринимать ошибки как этап языковой навигации, снижая речевую тревожность. Индивидуальное сопровождение обеспечивает поддержку обучающегося, смещая акцент с контроля на прогресс и создавая условия внутренней уверенности. Оно связано с построением гибких траекторий, учётом профессиональных задач и профилактикой когнитивной перегрузки. Аксиологический подход подчёркивает ценностный характер изучения языка, превращая обучение в процесс личностного развития и гарантируя, что многоязычная коммуникация не угрожает внутреннему миру обучающегося. Дифференцированное обучение снимает барьеры, связанные с различиями в уровне подготовки и стратегиях обучения, обеспечивая гибкость и инклюзивность образовательной среды.

В целом, лингвистическая безопасность предстаёт как динамическая педагогическая категория, требующая комплексного проектирования. Она становится ключевым условием эффективного корпоративного обучения, обеспечивая экологичность многоязычного взаимодействия и развитие плюрилингвальной компетентности сотрудников. Формирование иноязычной корпоративной обучающей среды предполагает интеграцию элементов цифровой инфраструктуры компании: корпоративных порталов, автоматизированных систем обучения (LMS), платформ для видеоконференций, средств коллективной работы. Такая среда становится пространством постоянного языкового взаимодействия, в котором сотрудники могут тренировать навыки коммуникации в реальных и моделируемых ситуациях, обмениваться мультязычными данными и развивать свои стратегии смыслового считывания профессиональной информации. Важным компонентом здесь выступает возможность адаптации контента под конкретные профессиональные задачи, что способствует росту мотивации и формированию осознанных образовательных траекторий. Цифровые инструменты обеспечивают доступ к разнообразным форматам – интерактивным симуляциям, корпоративным кейсам, мультязычным чатам и форумам, – позволяя обучающимся формировать гибкие способы межъязыкового переключения и укреплять уверенность в использовании иностранного языка в рабочей среде. Такая экосистема поддерживает как индивидуальное обучение, так и коллективные формы деятельности, что усиливает эффект погружения в многоязычную коммуникацию. Индивидуализация образовательных траекторий в цифровой экосистеме выражается в возможности адаптировать содержание обучения под конкретные профессиональные роли сотрудников, их языковые профили, темп освоения материала и предпочтительные форматы взаимодействия. Современные платформы позволяют интегрировать модульные программы, сочетать онлайн-

форматы с очными сессиями, использовать микрообучение, геймификацию и кейсовые задания.

Наконец, интеграция методики обучения, основанной на плюрилингвальном подходе, обеспечивает развитие у обучающихся умений прогнозирования, интерпретации, критической оценки текстов и выстраивания стратегий межкультурного взаимодействия. Это отражает современную ориентацию лингводидактики на совмещение когнитивных процессов обработки информации с коммуникативными задачами профессионального общения, что позволяет обучающимся осваивать иностранный язык не как изолированную систему, а как функциональный инструмент решения реальных рабочих ситуаций.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Анализ данных корпоративных иноязычных программ Академии корпоративного обучения, г. Москва (2019–2025), проведённый на основе сопоставления динамики учебной мотивации, результатов промежуточного контроля и показателей автоматизированной диагностики, продемонстрировал существенные изменения в поведении и прогрессии взрослых обучающихся. Использование цифровых инструментов – адаптивных платформ, интерактивных симуляторов, мультязычных ассистентов и ИИ-систем анализа речи – привело к увеличению учебной мотивации в среднем на 32 %, что проявилось в росте регулярности посещаемости, увеличении количества самостоятельных практических действий и расширении объёма языковых взаимодействий вне учебных сессий.

Одновременно было зафиксировано ускорение формирования многоязычного словаря приблизительно на 28 %, что объясняется несколькими факторами: повышенной частотностью контакта с целевыми языками в цифровой среде, возможностью оперативной корректировки ошибок, постоянной доступностью языковых ресурсов и индивидуализированным подбором тренировочных заданий. Инструменты ИИ способствовали усилению

метаязыковой осознанности и улучшению навыков межкузыковой навигации, что подтверждает эффективность цифрово-ориентированных методик обучения в многоязычной корпоративной среде.

Полученные результаты позволяют рассматривать цифровую трансформацию как системный механизм переосмысления лингводидактики взрослых обучающихся. Она воздействует на структуру учебных процессов, модели взаимодействия, принципы проектирования программ и способы поддержки обучающихся. В этих условиях будущее корпоративного обучения иностранным языкам связано с формированием экосистемы цифрового плюрилингвизма, в которой различные цифровые ресурсы функционируют как единая интегрированная среда, обеспечивающая постоянный межкузыковой обмен, гибкость траекторий и адаптивность содержания. В рамках такой экосистемы искусственный интеллект выступает педагогическим партнёром обучающегося и преподавателя, поддерживая процессы анализа, выбора речевых стратегий, интерпретации многоязычных данных и управления трансязычной коммуникацией. Это позволяет выстраивать новые методические модели корпоративного обучения, ориентированные на развитие автономности, когнитивной гибкости и профессионально значимого многоязычного поведения сотрудников.

Список литературы:

1. Безукладников К. Э., Прохорова А. А. Методическая система мультилингвального обучения будущих инженеров: эмпирическое исследование // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 158–164.

2. Глумова Е. П., Кораблева Е. Д. Полилингвальная компетенция учителя иностранных языков как основа региональной системы лингвистического образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 4 (845). С. 28–33.

3. Кораблева Е. Д., Глумова Е. П. Компоненты полилингвальной компетенции учителя иностранных языков // Нижегородское образование. 2022. № 4. С. 117–124.

4. Лазарева А. С. Методика плюрилингвального обучения взрослых иностранным языкам: инвариантное и вариативное обучение // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 5 (май). С 53–70.

5. Лазарева А. С. Оценочные средства для контроля эффективности плюрилингвального обучения взрослых иностранным языкам // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. № 69. С. 157–169.

6. Лазарева А. С. Специфика обучения иностранным языкам в корпоративной мультилингвальной среде // Язык и культура. 2022. № 60. С. 215–229.

7. Лазарева А. С., Агеева Н. В. Психологические барьеры при обучении взрослых устной иноязычной речи в корпоративном формате обучения // Язык и культура. 2022. № 58. С. 188–202.

8. Лазарева А. С., Дмитриева Е. Н., Жигалев Б. А. Педагогические условия формирования лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. № 2 (70). С. 151–166.

9. Павловская И. Ю. Межъязыковая интерференция в полилингвальной среде // Теория и методика преподавания иностранных языков в условиях поликультурного общества: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 03–04 декабря 2015 года / Ответственный редактор И. А. Майер; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2015. – С. 108–116.

10. Прохорова А. А., Лазарева А. С., Безукладников К. Э. Непрерывное образование: обучение иностранным языкам в плюрилингвальной парадигме. Москва: ООО «Издательство «Мир науки», 2025. 138 с.

11. Халяпина Л. П., Шостак Е. В. Плюрилингвальный и транслингвальный подходы как новые тенденции в теории интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам студентов технических вузов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 119–130.

12. Coste D., Moore D., Zarate G. Plurilingual and pluricultural competence. Strasbourg: Council of Europe, 2009.

13. Godwin-Jones R. Partnering with AI: Intelligent writing assistance and instructed language learning // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26 (2). P. 5–24.

14. Jessner U. Teaching third languages: Trends and perspectives // Language Teaching. 2008. Vol. 41 (1). P. 15–32.

References:

1. Bezukladnikov K. E., Proxorova A. A. Metodicheskaya sistema mul'tilingval'nogo obucheniya budushhix inzhenerov: e'mpiricheskoe issledovanie // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 466. S. 158–164.

2. Glumova E. P., Korableva E. D. Polilingval'naya kompetenciya uchitelya inostranny`x yazy`kov kak osnova regional`noj sistemy` lingvisticheskogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2022. № 4 (845). S. 28–33.

3. Korableva E. D., Glumova E. P. Komponenty` polilingval`noj kompetencii uchitelya inostranny`x yazy`kov // Nizhegorodskoe obrazovanie. 2022. № 4. S. 117–124.

4. Lazareva A. S. Metodika plyurilingval'nogo obucheniya vzrosly`x inostranny`m yazy`kam: invariantnoe i variativnoe obuchenie // Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Koncept». 2025. № 5 (maj). S 53–70.
5. Lazareva A. S. Ocenochny`e sredstva dlya kontrolya e`ffektivnosti plyurilingval'nogo obucheniya vzrosly`x inostranny`m yazy`kam // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. 2025. № 69. S. 157–169.
6. Lazareva A. S. Specifika obucheniya inostranny`m yazy`kam v korporativnoj mul`tilingval`noj srede // Yazy`k i kul`tura. 2022. № 60. S. 215–229.
7. Lazareva A. S., Ageeva N. V. Psixologicheskie bar`ery` pri obuchenii vzrosly`x ustnoj inoyazy`chnoj rechi v korporativnom formate obucheniya // Yazy`k i kul`tura. 2022. № 58. S. 188–202.
8. Lazareva A. S., Dmitrieva E. N., Zhigalev B. A. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya lingvisticheskoy bezopasnosti vzrosly`x v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. 2025. № 2 (70). S. 151–166.
9. Pavlovskaya I. Yu. Mezh`yazy`kovaya interferenciya v polilingval`noj srede // Teoriya i metodika prepodavaniya inostranny`x yazy`kov v usloviyax polikul`turnogo obshhestva: materialy` IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Krasnoyarsk, 03–04 dekabrya 2015 goda / Otvetstvenny`j redaktor I. A. Majer; Krasnoyarskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. V. P. Astaf`eva. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. V. P. Astaf`eva, 2015. – S. 108–116.
10. Proxorova A. A., Lazareva A. S., Bezukladnikov K. E`. Neprery`vnoe obrazovanie: obuchenie inostranny`m yazy`kam v plyurilingval`noj paradigme. Moskva: OOO «Izdatel`stvo «Mir nauki», 2025. 138 s.
11. Xalyapina L. P., Shostak E. V. Plyurilingval`ny`j i translingval`ny`j podxody` kak novy`e tendencii v teorii integrirovannogo obucheniya inostranny`m

yazy`kam i professional`ny`m disciplinam studentov texnicheskix vuzov // Vestnik Permskogo nacional`nogo issledovatel`skogo politexnicheskogo universiteta. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki. 2019. № 2. S. 119–130.

12. Coste D., Moore D., Zarate G. Plurilingual and pluricultural competence. Strasbourg: Council of Europe, 2009.

13. Godwin-Jones R. Partnering with AI: Intelligent writing assistance and instructed language learning // Language Learning & Technology. 2022. Vol. 26 (2). P. 5–24.

14. Jessner U. Teaching third languages: Trends and perspectives // Language Teaching. 2008. Vol. 41 (1). P. 15–32.

Информация об авторе:

А. С. Лазарева – кандидат педагогических наук, преподаватель АНО «Академия корпоративного обучения»

Information about the author:

A. S. Lazareva – Ph.D. (Pedagogy), Teacher, INO "Academy of Corporate Training"

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was published 06.12.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К рассмотрению принимаются статьи учёных, аспирантов, докторантов, соискателей, отражающие новые научные взгляды, значимые результаты и достижения в области гуманитарных наук и междисциплинарных предметных областей по следующим основным направлениям:

- вопросы теоретической и прикладной лингвистики (разделы «Общие вопросы языкознания», «Сравнительно-сопоставительные исследования»);
- проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе (раздел «Лингводидактика»),

а также рецензии (4–5 стр.) и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, симпозиумов, конференций, семинаров и др. – до 6 стр.).

Предпочтительный способ предоставления статьи – онлайн через сайт Журнала (<http://philology-asu.ru>), где заполняется форма сведений об авторах и прикрепляются все необходимые файлы, полностью соответствующие требованиям к формату и именам файлов. Также заявку можно отправить по электронной почте ephilolvestnik@asu-edu.ru. Вне зависимости от способа подачи к заявке должен быть прикреплен файл со сведениями об авторах на русском и английском языках.

Все предоставляемые материалы подлежат обязательной проверке на наличие некорректных заимствований и рецензированию. В качестве рецензентов могут выступать как члены редакционного совета, так и внешние эксперты из числа признанных специалистов по тематике рецензируемых материалов и имеющих в течение последних 3 лет публикации по заявленной тематике. При оценке статьи рецензентом учитывается актуальность для отрасли науки, научный уровень рукописи, научная новизна, теоретическая и/или практическая значимость. При рекомендации рецензента о доработке статьи автором вносятся необходимые правки, после чего редакционным советом принимается окончательное решение о публикации.

Адрес электронной почты, предоставленный автором, будет размещён в журнале и станет общедоступным. Номер телефона может быть использован только для связи представителей редакции с автором статьи.

Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Оплата публикации материалов

Стоимость публикации материалов исчисляется из расчёта 150 руб. за полную/неполную страницу текста с учетом НДС.

Оплата осуществляется **только после** положительного заключения рецензента и внесения в текст статьи всех рекомендованных правок.

Гонорары авторам не выплачиваются.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала
Татьяной Владимировной Дымовой
по тел.: 8 (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89270766442 (WhatsApp) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru**

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Все стороны, принимающие участие в издании Журнала – автор, редактор, рецензент и издатель – должны неукоснительно соблюдать нормы этического поведения. Журнал руководствуется этическими правилами и принципами, изложенными в:

- рекомендациях Комитета по этике публикаций – Committee on Publication Ethics (COPE) и Кодексе этики научных публикаций;
- положениях, принятых на II Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);
- рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- части IV Гражданского кодекса Российской Федерации.

Журнал не приемлет плагиат и любые проявления недобросовестного проведения исследований.

Редакция журнала призывает авторов придерживаться следующих этических принципов при подготовке и подаче материалов для публикации:

- предоставление оригинальных, достоверных, обоснованных и верифицируемых результатов собственных научных исследований;
- оформление заимствованных фрагментов ранее опубликованных научных работ (включая собственные работы автора (-ов)) с обязательным указанием автора и первоисточника;
- цитирование публикаций, оказавших существенное влияние на формирование авторского взгляда на решаемую проблему;
- минимизация цитирования публикаций, не имеющих прямого отношения к содержанию представляемой статьи;

- недопустимость указания в качестве соавторов лиц, не принимавших участия в получении научных результатов, о которых идёт речь в представляемых материалах;
- обеспечение отсутствия конфликта интересов, могущего оказать влияние на объективность и/или достоверность излагаемых в статье научных результатов.

Редакция «Евразийский филологический вестник» оставляет за собой право ретракции уже опубликованных статей в том случае, если будет установлено, что в результате публикации были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 4 (12)

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.). **ISSN 2949-4419**

Учредитель:

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Главный редактор Г. В. Файзиева

Редактирование, компьютерная правка

Т. В. Дымова

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Тел. (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89608656847 (WhatsApp) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru
